

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

И. Л. Морозов

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Учебно-методическое пособие

Волгоград 2021

УДК 35:004.056(075.8)

ББК 67.401.011я73

М 80

Рецензенты:

Большаков А. Г. – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета;

Матвиенко Е. А. – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД РФ

Морозов И. Л.

М 80 Государственное управление в сфере информационной безопасности современной России: учебно-методическое пособие / И. Л. Морозов. Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 1 электрон. опт. Диск (CD – ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD – ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 88 с.

Пособие предназначено для использования в учебном процессе в соответствии с утвержденными Учебными планами по дисциплинам «Государственное управление в сфере безопасности», «Управление национальной безопасностью», «Государственная политика в сфере информационной безопасности» в рамках самостоятельной работы для обучающихся в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС по направлению подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление». В пособии анализируются проблемы, вызовы и угрозы в сфере современной государственной информационной политики России, обосновывается необходимость новых подходов в стратегии государственной информационной политики к вопросу обеспечения политических компонентов системы информационной безопасности личности, государства и гражданского общества в современных условиях, рассматриваются политические модели управления системой информационной безопасности в современной России, формулируются авторские рекомендации по повышению эффективности данной системы.

ISBN 978-5-7786-0808-5

© Морозов И. Л., 2021

© Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1	12
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СФЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	12
1.1. Нормативно-правовая и институциональная база государственных управленческих решений в сфере обеспечения информационной безопасности	12
1.2. Особенности современных угроз в сфере информационной безопасности	27
ГЛАВА 2	40
ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	40
2.1. Патриотизм и историческая память как опорные категории российской информационной политики	40
2.2. Переход от информационного противоборства к диалогу культур как практика межгосударственной информационной политики	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ	70
ГЛОССАРИЙ	81

ВВЕДЕНИЕ

Государственное управление – деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности¹.

Информационная сфера – совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений².

Информационная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства³.

Государственное управление сферой информационной безопасности реализуется как осуществляемая на правовой основе деятельность соответствующих ведомств и должностных лиц, привлекающих к работе в том числе и негосударственных акторов.

---

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru>, свободный (дата обращения: 18.07.2020).

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2015 г. № 646 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru>, свободный (дата обращения 18.07.2020).

³ Там же.

Эволюция социально-экономических параметров цивилизации, вступившей в фазу постиндустриальной глобализации привела к повышению роли информационных потоков во всех сферах управления: государственно-политической, экономической, социальной, военно-технической и других. Новейшие тенденции развития внутригосударственных и международных процессов, связанные с кризисом демократизации политических режимов и ужесточением конкурентной борьбы за мировые природные ресурсы, ослаблением суверенитета и ростом проницаемости межгосударственных границ, поставили Российскую Федерацию перед фактом новых вызовов и угроз в сфере национальной безопасности, поиск адекватного ответа на которые определит степень устойчивости, стабильности и эффективности российского государства в ближайшем будущем.

Военно-политическое укрепление России в начале XXI в., переход к активной внешней политике, направленной на отстаивание национальных интересов и помощь зарубежным партнерам, привели к жесткому информационно-политическому противостоянию с США и рядом европейских стран. Информационное давление на Россию усилилось после военного конфликта с Грузией 2008 г., в котором Россия последовательно оказывала поддержку стремящимся к независимости народам Абхазии и Южной Осетии, и достигло своего апогея в 2014 г., когда Россия приняла в свой состав Крым, стала оказывать гуманитарную помощь непризнанным Донецкой и Луганской Народным Республикам.

Развернувшееся информационное противостояние выявило недостаточную эффективность государственной политики Российской Федерации по реализации комплекса мер защиты внешних и внутренних национальных интересов, хотя российское руководство признало значение «мягкой силы»¹ и активизировало программы духовно-культурного развития российской нации. На внешнеполитиче-

---

¹ Комплекс мероприятий невоенного характера, главным образом информационно-психологических и культурно-просветительских, призванных сформировать положительный образ страны в восприятии зарубежной аудитории.

ской арене безусловным приоритетной стала задача по формированию положительного образа России как динамично развивающегося государства, охранителя традиционных ценностей человеческой цивилизации: Бог, семья, сильное государство, централизованная власть, патерналистский подход к населению, особый статус верховного правителя, а также хранителя исторической памяти о Великой Победе над фашизмом.

Западная пропаганда сумела относительно быстро развернуть общественное мнение стран Европы и Северной Америки в антиросийскую сторону, формируя из России образ «мирового зла» – врага гражданских свобод и демократии, военного агрессора и территориального захватчика. Росийская государственная пропаганда не нашла более эффективного ответа, чем встречная упрощенная и, в конечном итоге, малоэффективная антизападная риторика.

Заметные проблемы сформировались и во внутренней информационной политике России (однако отметим, что в условиях глобализации между внешними и внутренними факторами информационной устойчивости и безопасности политического режима существует прямая корреляция):

- неспособность сформулировать общенациональную идею, ослабляющую нарастающее отчуждение между стратами росийского общества по социально-экономическому критерию;

- неспособность блокировать распространение идеологий религиозного экстремизма;

- неспособность противопоставить что-либо, кроме запретительных мер, в отношении протестных активистов так называемого «Фонда борьбы с коррупцией»¹, сумевших с помощью информационных технологий не только организовать относительно широкомаштабные протестные митинги, в том числе и несанкционированные, но и наладить финансирование своего движения;

---

¹ Организация со статусом «Иностранный агент» в России.

- неспособность оперативно реагировать на информационные вызовы, связанные с техногенными катастрофами, которые все чаще являются катализаторами движений социального протеста (пожар в торговом центре «Зимняя Вишня» в марте 2018 г. в городе Кемерово, «мусорный бунт» в апреле 2018 г. в Волоколамске и других городах Подмосковья, вызванный экологическими проблемами).

Таким образом, в системе государственного управления России мы имеем дело со сложной проблемой научно-практического характера – поиск путей оптимизации государственной политики по обеспечению информационной безопасности страны, органов государственной власти, институтов гражданского общества, интересов личности. Решение данной проблемы неразрывно связано с разработкой эффективных механизмов обеспечения легитимации деятельности государственных институтов России, что является залогом стабильности политической системы в целом.

Информационная политика как одно из направлений государственного управления находится в фокусе научного интереса многих исследователей. Значение информации в рамках политического управления еще в середине XX в. осмысливали в своих работах К. Шеннон, Н. Винер, К. Дойч, прогнозировавшие рост влияния информационных потоков на все сферы принятия и реализации управленческих решений в ближайшем будущем¹. На следующей стадии в западной науке была сформирована целостная концепция информационного (постиндустриального) общества, раскрытая в работах Э. Тоффлера, Д. Бэллы, Дж. Нейсбита², существенный вклад внесли и российские ученые-теоретики постиндустриала – В. Иноземцев, А. Неклесса, А. Колмогоров³.

---

¹ Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-пресс, 2004. С. 13–58.

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2012. 776 с.; Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ, 2013. 412 с.; Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2013. 669 с.; Революционное богатство. М.: АСТ, 2013. 569 с.; Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: АСТ, 2003. 308 с.

³ Информационное общество: Сб. М.: АСТ, 2004. С. 9–221, 285–312.

Практически применимые информационные технологии в управлении социально-экономическими и политическими процессами рассматривались в работах Э. Гидденса, Дж. Ная, М. Кастельса, С. Манна, а также получившей широкую известность благодаря освещению практических технологий борьбы с политическим режимом книге Дж. Шарпа¹. Их труды послужили стимулом к развитию теории и практики информационной безопасности государства, изложенной в работах, в том числе и российских ученых (а также исследователей из стран СНГ) – А. Гриняева, Г. Почепцова, И. Панарина.

Вопросы манипулирования политическим сознанием с помощью современных информационных технологий в отечественной политологии раскрыты в работах А. Б. Белоусова, В. А. Евдокимова, А. Злобина, Рязановой С. В., В. Миловидова, С. Г. Кара-Мурзы, М. В. Мамонова, С. В. Докуки².

Отдельные аспекты межгосударственного информационного противоборства рассмотрены в публикациях С. П. Расторгуева, В. Петровского, С. А. Паршина, А. Д. Елякова³.

---

¹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/sharp_dzhin/ot_diktaturi_k_demokratii/ (дата обращения 03.05.2018).

² Белоусов А. Б. Эдвард Бернейс: от манипуляции общественным мнением к инженерии согласия // Полис. № 2012. № 4. С. 143–148; Евдокимов В. А. Пропаганда в Интернете // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 137–142; Злобин А. Проблема манипулирования в ходе международных консультаций // Международные процессы. 2013 № 1 (Т. 11). С. 16–28; Рязанова С. В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 86–96; Миловидов В. Асимметрия информации или «симметрия заблуждений»? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 3. С. 45–53; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2012. 464 с.; Мамонов М. В. Информационная политика и изменение общественного мнения // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 26–31; Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169–171.

³ Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 2012. 416 с.; Расторгуев С. П. Формула информационной войны. Научное издание. М.: Радио и связь, 2012. 222 с.; Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // Международная жизнь. 2013. № 7. С. 72–84; Паршин С. А. Современные американские подходы к проблеме кибертерроризма // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 81–105; Еляков А. Д. Проблемы информационной безопасности в использовании электронных компьютерных технологий // Социологические исследования (Социс). 2013. № 10. С. 120–128.

Информационная сфера как объект государственного управления современной России раскрывается в работах О. В. Афанасьевой, С. В. Бондаренко, А. П. Кочеткова, Н. Н. Ковалевой, М. Ю. Павлютенковой, Д. Пескова и других¹.

Различные политические компоненты системы обеспечения информационной безопасности в настоящий момент находятся в фокусе внимания российских политологов, что подтверждается значительным корпусом научных текстов, представленных в последние годы к защите на соискание ученой степени кандидата и доктора политических наук. Среди авторов подобных научных работ можно выделить Федякина А. В., Глинскую И. Ю., Маркова Е. А., Мирошниченко И. В., Поцелуева С. П., Судоргина О. А., Устинович Е. С., Батуевой Е. В., Ветровой Е. Н., Деменьтева С. А., Миночкина А. Л., Малиновского С. С., Аكوпова Г. Л., Нестеренко Ю. И., Расулова З. А., Тризно Т. А., Земскова М. Д. и других. Корпус текстов, созданных данными авторами, отражает научно-теоретические и научно-практические тенденции в российской политической науке последних десятилетий и охватывает широкий спектр вопросов, взаимосвязанных с базовым понятием «информационная безопасность» и особенностями государственного управления данной сферой. Усилиями ученых этого периода была в основе сформирована терминологическая база, выдвинуты различные теории объяснения феномена информационного общества, осмыслены тенденции сдвига фокуса безопасности в государственной политике с материальной в информационную сферу.

---

¹ Афанасьева О. В. Доступ к информации как институт национального государства // Полис. Политические исследования. 2010. № 5. С. 146–154; Афанасьева О. В. «Электронное государство» в развитых странах: опыт институциональной трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 44–52; Бондаренко С. В. Особенности создания и функционирования площадок «электронной демократии» // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 164–178; Кочетков А. П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 8–20; Ковалева Н. Н. Государственное управление в информационной сфере // Государство и право. 2013. № 2. С. 78–86; Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 86–99; Песков Д. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 31–45; Мареев С., Климов А., Бондаренко А., Рогова Н. Создание и развитие консульских информационных систем // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 10–21.

Среди последующих, новейших диссертационных исследований, изучению политических функций глобальной коммуникационной сети Интернет во взаимосвязи с традиционными и новыми социальными сетями посвящены работы И. А. Быкова, В. В. Васильченко, Ю. В. Парфенова, В. В. Пашинской, А. В. Садиловой и других¹. В данных работах раскрываются различные аспекты, связанные с медиацией политической сферы, появлением новых инструментов политической агитации, возможностью использования сетевых технологий для организации массовых протестных движений, феноменами нарастающей политической интернет-активности граждан, появлением новых форм диалога в формате «власть-общество».

Общетеоретические вопросы политической коммуникативистики представлены в исследованиях В. Р. Абрамяна, Ю. Э. Григонис, Ю. В. Ключева, Г. П. Пименова и других². В работах данного направления указывается необходимость ускоренной разработки нормативно-правовой базы обеспечения государственной информационной политики, учета непредсказуемости эффектов политической коммуникации в современном обществе, особенностей воспроизводства по-

---

¹ Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: автореферат дис. ... доктора политических наук (10.01.10). СПб., 2016. 58 с.; Васильченко В. В. Влияние интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодёжи в современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). М., 2017. 31 с.; Парфенова Ю. В. Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). СПб., 2016. 20 с.; Пашинская В. В. Политическая интернет-коммуникация – технология оптимизации демократических процессов: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. Ростов н/Д., 2016. 23 с.; Садилова А. В. Технологии взаимодействия власти и общества в интернет-практиках в 2000-е годы: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). Ростов н/Д., 2017. 27 с.

² Пименов Н. П. Политические коммуникации как фактор формирования общественного мнения в современной России (на примере внесистемной оппозиции): автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). Ростов н/Д., 2016. 28 с.; Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): автореферат дис. доктора политических наук: 10.01.10. СПб., 2017. 63 с.; Григонис Ю. Э. Политическая коммуникация в контексте современной политической теории: автореферат дис. кандидата политических наук (23.00.01). СПб., 2017. 26 с.; Абрамян В. Р. Роль средств массовой информации в отражении модернизации политической системы современной России: автореферат дис. кандидата политических наук (23.00.02). Пятигорск, 2016. 35 с.

литической системы через конструирование общей памяти, информатизацию социального пространства. Можно согласиться с тезисом одного из авторов, что: «Функционирование массмедиадискурса дуалистично: с одной стороны, он выражается в установлении и поддержании коммуникации, с другой стороны, нередко усиливает ее конфликтный потенциал, может приводить к обострению и прекращению взаимодействия»¹.

Отдельно следует выделить диссертационные исследования, посвященные конкретным аспектам информационной безопасности в различных сферах проявления, например, работы Л. Х. Ибрагимова, Д. А. Райского². В работах данного рода делается объективный вывод, согласно которому перед современными политическими информационными технологиями уязвимы персоналистские политические режимы «закрытого» типа, современное онлайн гражданское общество проявляет склонность к радикализации, что неизбежно скажется на ужесточении его требований по отношению к власти.

Однако, несмотря на глубину и всеохватность выполненных ранее работ, необходимость всесторонних исследований в сфере государственного управления сферой информационной безопасности не утратила своей актуальности и в текущий момент, поскольку особенности экономических, политических, культурно-цивилизационных процессов в глобальном масштабе генерируют в отношении России новые вызовы и угрозы в информационной сфере, нуждающиеся в своевременном изучении и разработке способов защиты от них.

---

¹ Ключев Ю. В. Указ. соч. С. 10.

² Ибрагимов Л. Х. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов: автореферат дис. кандидата политических наук (23.00.02). М., 2016. 28 с.; Райский Д. А. Национальная безопасность России в контексте сетевых войн в условиях меняющейся мировой архитектуры: автореферат дис. кандидата политических наук (23.00.04). СПб., 2016. 28 с.

ГЛАВА 1

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СФЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1.1. Нормативно-правовая и институциональная база государственных управленческих решений в сфере обеспечения информационной безопасности

Учитывая важнейшее значение информационной сферы для стабильности и эффективности реализации государственных управленческих процессов, нормативно-правовая база современной России, регулирующая данную сферу, отличается системностью и относительной всеохватностью регулируемых вопросов, хотя нуждается в дальнейшем развитии и постоянно совершенствуется. К важнейшим нормативно-правовым актам, регулирующим процесс принятия управленческих решений в сфере информационной безопасности современной России, относятся:

- Конституция Российской Федерации как основной закон прямого действия, регулирующий самые общие принципы и подходы в сфере обеспечения информационной безопасности государства, а также защите интересов личности и гражданского общества;
- документы концептуального и доктринального характера, среди которых Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря

2015 года), Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2015 г. № 646); Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (Утверждена Президентом РФ 20 от ноября 2013 г., № ПР-268); Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (Утверждена Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753); Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640); Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (Утверждена Президентом РФ 5 октября 2009 г.); Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203); Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (Утверждена Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690); Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (Утверждена Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753);

- государственные программы, среди которых прежде всего следует выделить Государственную программу Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.);

- федеральные законы, положения, указы, регламентирующие деятельность важнейших государственных институтов, задействованных в реализации мер по обеспечению информационной безопасности, среди которых Положение о Совете Безопасности Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590; О Федеральной службе безопасности. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; О внешней разведке. Федеральный закон № 5 ФЗ. От 10 января 1996 г.; Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации (Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 865); Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»;

Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций»); Положение о Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 «О Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 17.06.2004 № 292 «О Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям»; Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 320 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве связи»);

- федеральные законы и указы, регулирующие отдельные вопросы информационной политики России в сфере информационной безопасности (Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»; Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ; Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»; Порядок проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей (утв. приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29 августа 2012 г. № 217); Указ Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» (ред. от 22.05.2015); Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 05.12.2017); Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018); Федеральный закон от

26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»; Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

Ключевым элементом в определении направлений и содержания принятия управленческих решений в рассматриваемой сфере является «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» в ее действующей редакции, которая представляет собой: «систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере»¹.

Данный документ предназначен для:

- формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
- подготовки предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
- разработки целевых программ обеспечения информационной безопасности Российской Федерации»².

Интересы государства в информационной сфере, согласно данной Доктрине, заключаются «в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения

---

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 3.05.2020).

² Там же.

незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества»¹.

Из перечисляемых угроз в сфере информационной безопасности России особое внимание следует обратить на угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации². Согласно доктринальному документу, в данной сфере выделяются следующие основные угрозы:

- неконтролируемый трансграничный рынок оборота информации, который отдельные акторы международной системы могут использовать в том числе и для реализации своих агрессивных геополитических целей;

- специальные службы ряда государств разработали средства информационно-психологического воздействия по дестабилизации социально-политической ситуации в целях подрыва суверенитета и территориальной целостности других стран;

- зарубежные государства наращивают усилия по информационно-агитационной работе с российским населением (в первую очередь с молодежью) в целях подрыва традиционных духовных ценностей России;

- террористические организации овладели современными информационными технологиями по продвижению экстремистских идеологий в политическое сознание социальных групп, отдельных граждан;

- кадровое и технологическое отставание России от ведущих государств в сфере информационной безопасности.

---

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 3.05.2020).

² Там же.

Последний из указанных выше пунктов представляет особый интерес в спектре образовательной деятельности российских вузов – представляется целесообразным ввести в программы подготовки (и переподготовки) государственных и муниципальных служащих компетенцию противодействия информационным угрозам, включающую в себя умение своевременного распознавания информационной угрозы, выработку и реализацию мер по ее нейтрализации.

В доктринальных документах констатируется, что по мере развития научно-технического прогресса международная конкуренция за обладание информационными ресурсами (включая право бесконтрольно и беспрепятственно сбывать свою информационную продукцию на территории других государств) будет возрастать, Россию в данной связи могут попытаться отключить от мирового рынка сбыта информационной продукции и оказания информационных услуг. В то же время информационное поле самой России может подвергнуться атаке извне в виде массированного внедрения социальных и духовно-культурных ценностей и норм поведения, исторически чуждых народам России. Как отмечает американский эксперт по информационным войнам Ш. Харрис: «Соединенные Штаты – одна из немногих стран, государственная политика которых рассматривает киберпространство как поле боя, а потому направлена на полный контроль этой сферы при наличии средств и возможностей на осуществление этого контроля»¹. Можно предположить, что объектом информационной атаки со стороны иностранных государств станет Российская Федерация, обозначившая в последние годы свое право вернуться в статус мировых великих держав, самостоятельно определять свой внешнеполитический курс и внутреннюю политику, оказывать влияние на мировые рынки в целях защиты своих экономических интересов.

---

¹ Харрис Ш. Кибервойна@: Пятый театр военных действий. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 24.

Среди причин, порождающих информационную уязвимость Российской Федерации, документ указывает следующие¹:

- недостаточная координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;

- снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности;

- недостаточная активность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан.

Формировавшаяся в начале 2000-х гг. нормативно-правовая база демократической России изначально предполагала наличие широких гражданских прав и свобод в информационной сфере, предоставляла гражданам через институт СМИ доступ к достаточно широкому кругу данных, позволяющих информировать общественность о деятельности государственных органов власти, органов местного самоуправления, что должно было облегчить задачу борьбы с коррупцией, злоупотреблением должностными полномочиями и другими злоупотреблениями на государственной и муниципальной службе². Конституция Российской Федерации (ст. 23 и ст. 24) в прямой форме

---

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 3.05.2020).

² Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (ред. от 12.03.2014) // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020); Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 25.11.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020).

гарантировала гражданам право на личную и семейную тайну, приватность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, одновременно с этим вменяя в обязанность государственным и муниципальным органам предоставлять гражданам возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы¹.

Смена вектора информационной политики России обозначилась с 1999 г. и далее развивалась по нарастающей в сторону ужесточения контроля над информационными потоками, ограничения приватности жизни граждан, активизации внешнеполитической пропаганды. Объективно это объяснимо активизацией усилий государства по борьбе с сепаратизмом и терроризмом, курсом на отстаивание национальных интересов во внешней политике, необходимостью противодействовать информационным атакам со стороны других стран. Политический режим президентства В. В. Путина отличается повышенным вниманием к информационной сфере, к вопросам организации информационной безопасности. Политологи отмечают понимание Президентом РФ В. В. Путиным ключевого значения информации как инструмента политического управления в реалиях современного мира, указывают на тот факт, что его первыми шагами по укреплению власти стали действия по установлению контроля в медийной сфере России, а затем и по выстраиванию системы транслирования информации на западные страны².

Особое внимание информационной политике уделял и Д. А. Медведев в период работы на постах Президента и Председателя Правительства РФ, по инициативе и поддержке которого была принята Государственная программа Российской Федерации «Ин-

---

¹ Конституция РФ от 12 декабря 1993 года // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020).

² Мухин А. Правители России. Старая площадь и Белый дом. М.: Алгоритм, 2005. 352 с.; Федоров В., Цуладзе А. Эпоха Путина. М.: Эксмо, 2003. 448 с.; Мухин А. Путин: ближний круг Президента. М.: Алгоритм, 2005. 288 с.

формационное общество (2011–2020 годы), Федеральная целевая программа «Электронная Россия» и т.д. Позиция Д. А. Медведева традиционно оценивается как более открытая, направленная на широкое внедрение информационных технологий в работу органов государственной власти и местного самоуправления, в образовательный и производственный процессы, повышение «компьютерной грамотности» населения страны, создание возможности гражданам и структурам гражданского общества шире и доступнее использовать новейшие информационные технологии в своих интересах. В настоящий момент в сфере информационной политики и информационной безопасности Россией осуществляется реализация нескольких государственных программ, призванных повысить конкурентоспособность страны в системе глобальной экономики, сделать образ России привлекательным и положительным в восприятии как граждан своей страны, так и зарубежной аудитории¹.

Новый цикл развития нормативно-правовой базы России в сфере управления информационной безопасностью начался с возвращением В. В. Путина на пост Президента РФ в 2012 г. – в последующие годы принимается ряд законов, существенно расширяющих возможности силовых структур в доступе к приватной информации граждан и в блокировании нежелательной для государства информации в медийной среде. Наиболее резонансными в этом ряду оказались Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 года «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (так называемый закон Лутого); Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении

---

¹ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» (ред. от 12.01.2018). // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020); «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753) // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020); Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020).

изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (два последних закона в СМИ получили название «закон Яровой» или «пакет Озерова–Яровой»). Правоохранительные органы России получили право на внесудебную блокировку сайтов (по предписанию Генеральной прокуратуры РФ), содержащих призывы к несанкционированным митингам, ввели обязательство операторов связи по длительному хранению (сроки впоследствии корректировались по техническим причинам) информации о всех видах активности своих пользователей, ввели запрет на использование несертифицированных в РФ средств шифрования передаваемой по средствам связи информации, что фактически означало полный запрет на приватность.

На современную эволюцию российского законодательства в сфере информационной безопасности оказывают влияние социально резонансные события, приобретающие потенциальную политическую значимость. Одним из примеров является трагедия в г. Кемерово, когда 25–26 марта 2018 г. в торговом центре «Зимняя вишня» погибло 60 человек, в том числе 41 ребенок. Если традиционные СМИ сдержанно отнеслись к освещению трагедии, то по социальным сетям стала распространяться информация о сокрытии представителями власти «истинного» числа жертв, которых, как предполагали кемеровчане, значительно больше официально озвученной цифры, так же по социальным сетям распространялись слухи о якобы массовом ритуальном убийстве детей, замаскированном под пожар. Стихийные митинги, прошедшие в г. Кемерово, способствовали отставке главы ре-

гиона А. Тулеева, один из родственников погибших, И. Востриков (потерял при пожаре четверых детей и жену), с помощью социальных сетей попытался создать протестное движение «Великая Империя» с целью оказания давления на «коррупцированных чиновников», по вине которых в России происходят аналогичные трагедии, нарушаются права граждан.

Трагедия в «Зимней вишне» выявила неэффективность информационного реагирования органов государственной власти на подобные чрезвычайные ситуации, способные стать точкой социальной генерации общественного недовольства, развивающегося в политический протест. Через несколько дней после кемеровской трагедии в Государственной Думе России вернулись к обсуждению ранее отложенного законопроекта № 430597-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (об особенностях исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении доступных в сети «Интернет» сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или деловую репутацию юридического лица)» и приняли его в первом чтении. Согласно законопроекту: «1. В случае, когда должник по истечении срока, установленного для добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении сведений, распространенных в сети Интернет, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или деловую репутацию юридического лица, не принял меры для пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем их удаления или ограничения к ним доступа, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и постановление об ограничении доступа к сведениям, распространенным в сети Интернет, порочащим честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или деловую репутацию юридического лица»

лица. 2. В течение одного рабочего дня с момента вынесения постановления судебного пристава-исполнителя об ограничении доступа к сведениям, распространенным в сети Интернет, порочащим честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или деловую репутацию юридического лица, судебный пристав-исполнитель направляет такое постановление в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи»¹.

Возникли законодательные инициативы и более радикального характера. 25 апреля 2018 г. депутат Законодательного собрания г. Санкт-Петербург А. Анохин предложил проект Федерального закона «О защите граждан от негативного воздействия сетевых сообществ в сети Интернет, причиняющего вред здоровью и развитию человека», смысл которого изложил в видеообращении на своей странице в Фейсбук:

«1) требование обязательной идентификации участников сетевых сообществ;

2) запрет функционирования на территории Российской Федерации сетевых сообществ, не соответствующих этому требованию;

3) запрет доступа лиц, не достигших возраста 18 лет, к сетевым сообществам в сети Интернет в образовательных, медицинских и иных организациях, в которых обучаются, воспитываются и (или) содержатся указанные лица;

4) ограничение продолжительности доступа всех граждан к сетевым сообществам в сети Интернет суммарной продолжительностью не более трех часов в сутки».

---

¹ Данный закон принят и вступил в юридическую силу: Федеральный закон от 23.04.2018 № 102-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и статью 15-1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201804230036> (дата обращения 03.10.2020).

Подобные законотворческие инициативы можно воспринимать как курьез, и вероятность их поддержки низка, однако можно предположить, что подобные действия направлены на зондаж общественных настроений в целях определить границы, до которых гражданское общество России может позволить довести ограничение своих прав на свободу информации и коммуникаций. В Совете Федерации в 2018 г. разработали поправки в КоАП РФ, вводящие наказание для граждан в виде штрафа за распространение недостоверной информации (так называемых фейк-ньюс). Причем один из авторов правовой инициативы сенатор И. Гехт прямо указал на поправки как на ответную меру экологическим протестам, активизировавшимся в России в 2018 году¹.

Российские национальные законотворческие инициативы по управлению сферой информационной безопасности все более явно вступают в противоречие с принципами прав человека и начинают вызывать противодействие со стороны соответствующих структур. Например, Совет по правам человека при Президенте РФ настоятельно рекомендовал отклонить в Государственной Думе РФ проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 101 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»² после первого чтения. Законопроект вводит понятие «организатор распространения информации в сети Интернет» и обязывает его создавать свое официальное представительство на территории РФ, предоставить возможность пользователям социальной сети обращаться в данное представительство с заявлением о наличии в соцсети информации, за распространение которой в России предусмотрена уголовная или административная ответственность, в течение суток с момента получения рассматривать данное заявление

---

¹ Макарова Ю., Берсенева Т. Информационный экстремизм оценят в рублях // Известия 2018. № 73. С. 1.

² Проект № 223849-7 Федерального закона «О внесении изменения в статью 101 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 01.05.2019).

и удалять указанную информацию из публичного доступа, в то же время сохраняя у себя на сервере ее копии в течение трех месяцев; предоставлять федеральным органам России и отчеты о поступивших заявлениях пользователей и своей реакции на них. Эксперты Совета по правам человека при Президенте РФ указали на нечеткость правовых формулировок в данном законопроекте, предупреждали о возможных международных осложнениях, поскольку поправки затрагивают интересы прежде всего зарубежных владельцев социальных сетей¹.

На основании рассмотренных документов можно сделать вывод, что Российская нормативно-правовая база, регулирующая процесс принятия и реализации управленческих решений в сфере информационной безопасности, может быть охарактеризована как развитая, охватывающая широкий спектр действий государства, гражданского общества, личности, носит выраженный запретительно-регулятивный характер. Установлена эволюция нормативно-правовой базы в сторону расширения сфер регулирования, появления дополнительных норм и запретов, ужесточения санкций за их нарушение. При этом ряд правовых дефиниций, например, определение экстремизма, умышленно оставляются в неконкретизированном состоянии, позволяющим трактовать их максимально широко и применять для вынесения обвинительных приговоров и запретительных решений. Основные потенциальные угрозы в информационной сфере российское руководство видит не столько в киберугрозах военного характера (несанкционированное вмешательство в системы управления войсками, отдельными единицами военной техники или технологиями опасных

---

¹ Закон был принят и опубликован 30.12.2020 г.: Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» / Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300062> (дата обращения 03.10.2020).

производств)¹, сколько в свободном распространении информации политического пропагандистского характера, потенциально способной привести к прорыву легитимности органов государственной власти и утрате ими контроля над российским населением.

Система государственного управления сферой информационной безопасности современной России носит системный характер и состоит из следующих взаимосвязанных элементов, чья деятельность и сфера полномочий регулируется перечисленными выше документами:

- Президент;
- Совет Безопасности;
- Правительство (Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации²);
- Федеральное Собрание (Государственная Дума и Совет Федерации);
- специализированные федеральные органы (Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки);
- специализированные межведомственные и государственные комиссии;
- аппарат губернатора и правительства/администрации субъектов Российской Федерации;
- органы муниципальной власти;
- некоммерческие организации и общественные объединения;
- граждане, принимающие в соответствии с законодательством Российской Федерации участие в решении задач обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

---

¹ Гришкoveц Е. Работы за рубежом по созданию систем дистанционного внедрения вредоносного программного обеспечения // Зарубежное военное обозрение. 2020. № 3. С. 28-32.

² Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 года № 215 Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации переименовано в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 20 ноября 2020 года упразднены Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и Федеральное агентство связи, а их функции были переданы Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Современные особенности международного и внутригосударственного политического процесса определили следующий характер системы государственного управления России в сфере информационной безопасности: закрепились ведущая роль силовых структур, сосредоточившихся на противодействии информационным компонентам политического экстремизма, в том числе с использованием сети Интернет, например Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации, так называемый «Центр Э», в ущерб усилиям по выстраиванию взаимодействия с гражданским обществом, повышению чувства гражданской ответственности и культуры цифрового общения населения.

Учитывая, что в конце 2020 г. истек срок действия целого ряда нормативных правовых актов и государственных программ в сфере информационной безопасности, в ближайшие два года возможно существенное обновление нормативной базы в данной сфере, причем вряд ли в сторону смягчения и либерализации.

1.2. Особенности современных угроз в сфере информационной безопасности

Угроза – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба актору политического процесса. В российских доктринальных и концептуальных документах, регулирующих сферу национальной безопасности и ее информационного компонента, угроза информационной безопасности Российской Федерации (синоним термина – информационная угроза), определяется как «совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере»¹.

---

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2015 г. № 646 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 03.05.2020).

Исторически информационный фактор занимал важное место в процессе межгосударственного противоборства и внутригосударственных социально-политических конфликтов (в последнем случае приобретая крайне непримиримый характер в режиме гражданских войн)¹. Однако к концу XX в. под воздействием нового этапа научно-технической революции в сфере оцифровывания информационно-коммуникативных потоков, систем автоматизированного сбора, обработки, генерации и трансляции информации значение фактора информационной угрозы система национальной безопасности государства качественно повысилось, превращаясь в незаменимый равноценный, а во многих случаях и ведущий ресурс противоборства, от использования которого зависит победа.

Информационно-компьютерная революция и другие технические достижения вызвали политические изменения, породившие новые критерии систем безопасности международного и национального уровней. Ключевые из социально-политических и военно-политических факторов, меняющих характер современного межгосударственного противоборства, можно суммировать в виде Таблицы 1.

Таблица 1 – **Новые факторы межгосударственного противоборства в начале XXI в.**

Социально-политические факторы	Военно-политические факторы
Массовая демократизация / псевдо-демократизация политических режимов	Равновесие возможностей стратегических вооружений мировых держав
Вестернизация политических элит поставторитарных государств	Высокая стоимость и низкая эффективность ведения военных действий традиционными методами
Взаимопроницаемость национальных государственных границ	Терроризм как основная тактика действий антисистемных акторов в борьбе с современными политическими режимами

---

¹ Волковский Н. Л. История информационных войн. Часть I. СПб.: Полигон, 2003. 512 с.

Первый фактор заключается в падении роли авторитарных политических режимов, бывших незаменимым атрибутом международной политической системы биполярного типа во второй половине XX в. – их по политическим мотивам поддерживали и США, и СССР. Однако к началу XXI в. обстановка изменилась. Авторитарные режимы не только утратили интерес со стороны ведущих мировых держав, но в условиях глобализации предстали как нежелательный рудимент. Начинается давление на них под тем или иным предлогом. На Президента Югославии С. Милошевича была возложена ответственность за агрессию в отношении республик распавшейся федерации, лидер афганских талибов М. Омар был обвинен в пособничестве в совершении террористических актов против США 2001 г., Президент Ирака С. Хуссейн обвинен в попытках тайного создания орудия массового уничтожения, лидеры Ливии и Сирии М. Каддафи и Б. Асад получили обвинения в геноциде против собственного народа.

Авторитарные политические режимы предпринимают попытки внешней маскировки под демократию или стремление хотя бы обозначить движение к таковой. Даже руководство Северной Кореи сочло необходимым в 2018 г. продемонстрировать готовность к восстановлению отношений с политическими оппонентами, а в перспективе и закрыть свою ядерную программу.

В итоге современная мировая политическая система имеет дело с новым феноменом – появлением неклассических авторитарных политических режимов. Они не обладают преимуществами авторитаризма – устойчивостью управленческих контуров и эффективностью безнаказанного проведения внутренних репрессий. Это режимы-гибриды, маскирующиеся под демократию, но не способные извлечь преимущества таких демократических отношений, как взаимоподдержка государственного аппарата и гражданского общества. Компенсируя недостаточную социальную базу опорой на выведенные в привилегированное положение силовые структуры, квазиавторитар-

ное государство эффективно до того момента, когда его экономика теряет способность обеспечивать рост благосостояния правящей элиты и хотя бы его устойчивое сохранение для основной массы граждан. Нехватка ресурсов приводит к аппаратному расколу в верхах на фоне падения уровня жизни рядовых граждан и роста протестной активизации социума. Складывается чрезвычайно опасная для действующей власти ситуация, когда интересы политических заговорщиков «верхнего уровня» в формирующемся антигосударственном движении ситуативно совпадают с интересами низовых, уличных форм протеста, представленных активностью радикально настроенных молодежных группировок.

Молодежи как социальной страте присущи повышенная психологическая тревожность, чувство неудовлетворенности, иногда потенциальная готовность к агрессии в отношении того, кто будет идентифицирован как враг¹. Это открывает новые возможности для применения методов информационной дестабилизации политической ситуации в стране с помощью манипулятивных технологий, формирующих политическое сознание молодежной страты. Не случайно большинство современных технологий манипуляции политическим сознанием адаптированы для использования именно против молодежи страны-противника.

Второй фактор, на первый взгляд, носит парадоксальный характер – политическая элита квазиавторитарных стран (гибридных политических режимов), формально декларируя демократические принципы, не использует их в системе государственного управления, существенно ограничивает права человека и гражданина в своей стране, но при этом ментально нацелена на «обустройство» в западном демократическом пространстве. Представители элит такого типа стремятся обеспечить своим детям образование в зарубежных школах

---

¹ Васильчук Е. О. Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине // PolitBook. 2014. № 3. С. 94.

и вузах, поощряют браки с иностранцами, покупают за рубежом недвижимую собственность, открывают бизнес и т.д. Комичность ситуации в том, что подобные действия сочетаются с демонстративно агрессивной антизападной риторикой, что, впрочем, не мешает такой элите идти на компромисс с Западом и даже стратегические уступки при первой же возможности.

Третий фактор – нарастающая проницаемость государственных границ, постановка под вопрос самого принципа государственного суверенитета, краеугольной категории Вестфальской системы международных отношений. В этих условиях традиционные, силовые механизмы обеспечения национальной безопасности теряют эффективность. Проникнуть на территорию государства-жертвы стало реально под видом беженца, студента, трудового мигранта, переселенца-соотечественника и противостоять этому невозможно. Даже прямое нарушение государственной границы в современном мире стало делом гораздо более легким, в отличие от XX в. – обустройство и содержание системы пограничных укреплений, полностью перекрывающих лимитроф государства, становится делом затратным и потому «невыгодным» для ориентированных на частный капитал экономик. Проблему личной безопасности политическая элита теперь предпочитает решать локально, обеспечивая охраной себя и свою семью. Поэтому в современных условиях физическая уязвимость территории государства повышается.

Четвертый фактор проистекает из равенства возможностей ядерного оружия для всех противоборствующих акторов. Традиционная формула победы как уничтожение армии противника на поле боя, отмеченная еще К. Клаузевицем¹, открывающее путь к эксплуатации ресурсов побежденной страны, неприемлема для великих держав со второй половины века, так как ничего, кроме взаимного истребления, война между ними принести не может. Однако задача постановки под контроль новых природных ресурсов и новых рынков

---

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. 864 с.

потребления остается. Это порождает поиск как новых научно-технических решений проблемы (роботизация, высокоточное оружие и т.д.), так и информационно-психологических.

Пятый фактор повысил относительную «боевую ценность» нерегулярных, негосударственных военных формирований и группировок, применяющих методы вооруженного политического насилия, а также террористических организаций и даже террористов-одиночек. Победы американских войск в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.) не привели к решению поставленных задач по умиротворению данных территорий, но обернулись втягиванием сил западной коалиции в многолетнюю кровопролитную войну с террористическими формированиями, которая продолжается до сих пор. Используя в том числе и американскую военную вовлеченность в данные конфликты, Россия в 2014 г. сумела провести в предельно сжатые сроки операцию по взятию под контроль Крымского полуострова, на которую американские военные структуры не успели оперативно среагировать.

Шестой фактор, также повысивший эффективность деятельности террористических организаций, заключается в идеологическом, ментальном «разоружении» западной цивилизации, которая, пережив ужасы национал-социализма и фашизма, взяла курс на подавление этнонациональных компонентов массового политического сознания своих граждан и насаждение «общемировых ценностей». Элиты данных стран приняли сознательное решение отказаться от использования идеологием консолидирующего и мобилизующего типа как политической практики, что со временем привело к утрате способности пресекать этнокультурную экспансию со стороны других народов на свою территорию. На место национализма, консерватизма и в какой-то степени даже крайнего либерализма, понимаемого как неприкосновенность личностных прав и свобод западного индивида, пришло мировоззрение космополитичного потребителя – консьюмеризм. Смысл человеческой жизни стал пониматься как удачливое уклоне-

ние от тягот и опасностей на фоне наращивания личной покупательской способности, позволяющей поглощать все большее количество материальных товаров и услуг. У индивида-консьюмериста усилиями государственной пропаганды разрушается чувство этнической, территориальной, религиозной идентичности, снижается воля к коллективному отстаиванию своих гражданско-политических и социальных прав, развивается социальная инфантильность.

Это создало идеальные условия для нарастания внешних миграционных потоков из стран с проблемной экономической ситуацией. Причем если ранее миграционные потоки были ориентированы на поиск трудовой деятельности в странах Запада, то с конца XX в. стал преобладать иждивенческий мотив – стремление обрести социальное пособие, муниципальное жилье и другие льготы, которые готова предоставить принимающая страна. Европейские публицисты, указывающие на данный тревожный фактор, истеблишментом маргинализируются, их мнение подвергается порицанию. Примерами могут служить работы германского экономиста Т. Саррацина и американского политика П. Бьюкенена¹.

Разумеется, подавляющее большинство беженцев не представляют собой социально-политической опасности, но даже незначительный процент среди них серьезно поднял уровень террористической угрозы в странах Европы. Как отмечает полковник полиции Е. А. Матвиенко: «...существуют ли некие границы, за которыми говорить о толерантности неуместно, а то и просто опасно? Является ли уважение к иной культуре и ее носителям чем-то абсолютным или оно все же относительно, и не следует приносить в жертву абстрактным теориям конкретные жизненные интересы общества?»².

К сожалению, практическая целесообразность по объединению усилий и ресурсов всего мирового сообщества для борьбы с религиоз-

---

¹ Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2016. 560 с.; Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ, 2016. 640 с.

² Матвиенко Е. А. Исламский радикализм как глобальная проблема современности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4. С. 180.

ным экстремизмом была принесена в жертву политической конъюнктуре, мировая система международных отношений вошла в новую фазу «холодной войны» между Западом и Россией. Эти обстоятельства вынудили военных и политических аналитиков ведущих мировых держав начать разработку новых методов борьбы, частично позаимствованных из синергетической теории «управляемого хаоса».

В работах американских политологов Дж. Ная и Ст. Манна появляется ряд новых положений на уровне теории, а затем и практики новых возможностей управления политическим пространством. Развивая свою концепцию «мягкой силы» (привлекательность образа государства в восприятии жителей соседних государств), Дж. Най указывает: «Умная сила – это сочетание твердой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения»¹.

Синтез теорий «умной силы» и «управляемого хаоса» дал результат, смысл которого на уровне политических технологий можно выразить в следующих тезисах:

- традиционная война в форме разгрома противника на поле боя массой своих войск утратила эффективность (высокая ресурсозатратность, негативное общественное мнение, разгромленный противник рассеивается и переходит к террористическим формам сопротивления);

- политическую систему враждебного государства необходимо разрушать преимущественно не внешним военно-политическим действием, но изнутри, используя и развивая внутренние противоречия системы, военная интервенция допустима на конечной стадии как короткая операция «миротворческого характера» против ослабленного и потерявшего опору в собственной стране политического режима;

- в любой политической системе авторитарного государства имеются скрытые или явные элементы-антагонисты;

- данные протестные элементы зачастую разрознены (либо не взаимодействуют между собой, либо даже находятся в состоянии конфронтации, например: либералы vs коммунисты vs националисты) и политически пассивны, поскольку не верят в возможность разрушить

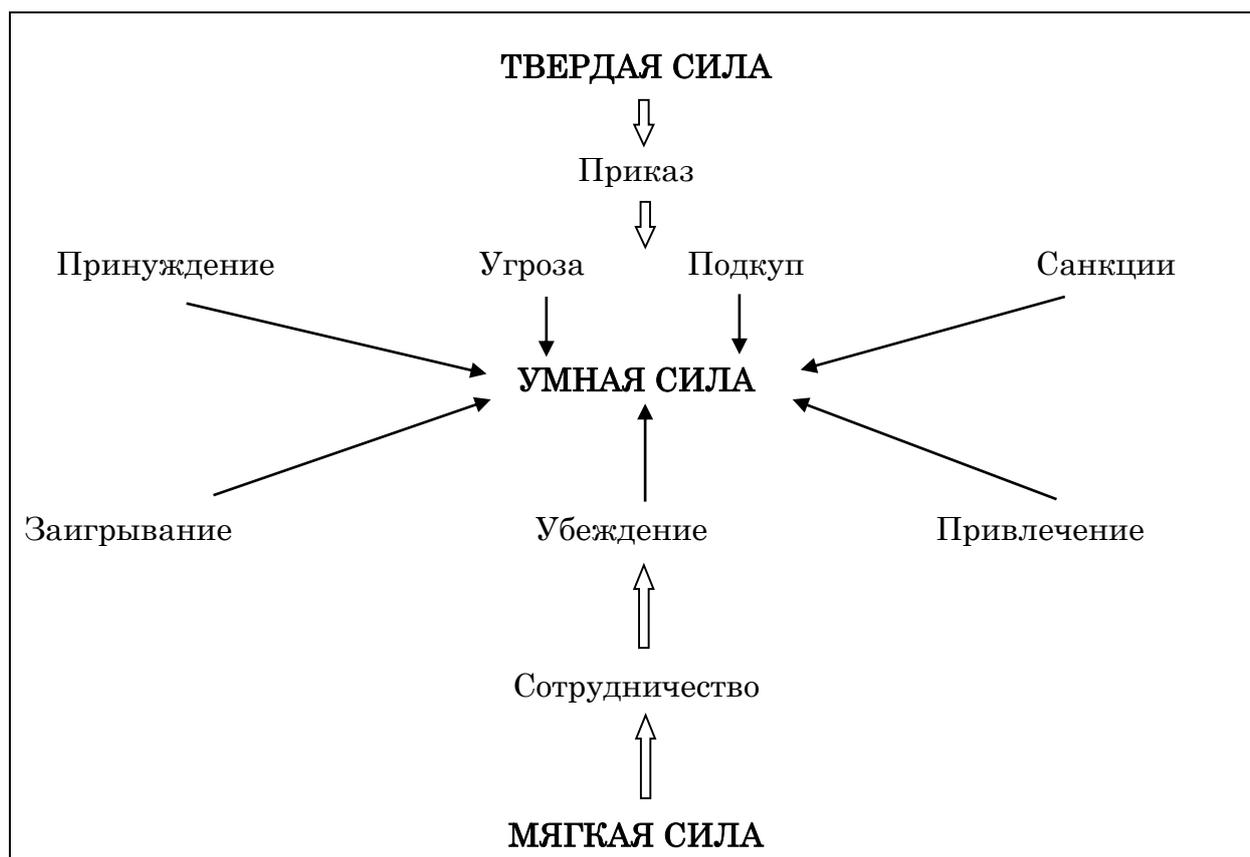
¹ Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 18

политическую систему собственными силами и потому избегают прямого конфликта с ней;

- необходимо выявить данные элементы в политической системе противника экспертно-аналитическим или эмпирическим путем, активизировать их и побудить к действию;

- политический режим авторитарного государства обычно способен справиться с поочередно бунтующими отдельными социально-политическими группами, но одновременную атаку «с нескольких сторон» отразить не способен;

- координация и финансирование деятельности оппозиции должны осуществляться из-за рубежа, чтобы обеспечить недостижимость для ответных мер со стороны охранительных структур атакуемого оппозицией авторитарного режима.

Рисунок 1 – Сфера проявления «умной силы» по Дж. Наю
Сост. по: Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014

Конкретные выводы на уровне практики из данных принципов трансформируются в три задачи, которые политические технологи, задействованные в сфере межгосударственного противоборства, могут решать последовательно или параллельно:

- установить скрытые элементы внутригосударственной оппозиции, активизировать и скоординировать их, убедить в целесообразности перехода к активным действиям по свержению политического режима;

- разрушить систему эффективной генерации и трансляции политически значимой информации (государственная пропаганда) правящей элиты, а в идеале перехватить управление данной системой и заставить работать на свои интересы;

- формирование вооруженных отрядов из рядов внесистемной оппозиции, обучение и вооружение их, оказание им помощи в виде интервенции, когда противостояние с правящим политическим режимом перейдет в вооруженную фазу.

Исходя из данных дефиниций, представляется возможным определить основные уязвимости политического режима Российской Федерации, которые потенциально могут представлять опасность в случае применения против них информационных и организационных технологий «управляемого хаоса».

1. Политический режим России определяется как квазиавторитарный. Подобная гибридность российского политического режима несет в себе как положительные компоненты – сохраняется возможность демократической трансформации, так и отрицательные – сохраняется уязвимость перед технологиями разрушения авторитарных режимов («цветные революции»).

2. Сложившийся механизм власти не позволяет реагировать на политический кризис методом упреждающей формальной замены государственного руководства (смена непопулярного лидера на новое лицо, по факту представляющее интересы все той же политической элиты), попавшего под критику и компрометацию. Образ Президента

В. В. Путина является ключевым и пока незаменимым элементом поддержания социально-политического равновесия в обществе. Среднестатистический россиянин, по мнению политолога М. Урнова, основанному данными ВЦИОМ, характеризуется недоверием к себе подобным (раскол социума по горизонтали), но демонстрацией лояльности к национальному лидеру (объединение социума по вертикали): «Друг другу мы не верим, но доверяем Путину!»¹.

3. Ментально прозападный (вестернизированный) характер правящего политического класса. В целях обеспечения сохранности сконцентрированных в своих руках материальных ресурсов элиты квазиавторитарных государств переносят свое «жизненное пространство» за рубеж, в страны западного мира. Если возникнет ситуация, когда российская элита будет вынуждена выбирать между безопасностью своего зарубежного личностного «жизненного пространства» и национальными интересами своего народа, будет ли сделан однозначно и без промедления выбор в пользу последнего – вопрос далеко не с однозначным ответом.

4. Коррупцированный государственный аппарат. Попытки высшего руководства страны подавить коррупцию низовых эшелонов путем точечных репрессий не приносят успеха. Антикоррупционная кампания превращается в передел «рынка взяткостоемости» между административными кланами. Именно образ априори коррупцированного государственного служащего и политика высших эшелонов власти являлся ключевым медийным фактором мобилизации оппозиции при свержении политического режима В. Ф. Януковича на Украине в 2014 г., именно этот же фактор сейчас активно эксплуатирует российский внесистемный оппозиционер А. Навальный.

---

¹ Поворазнюк С. «Друг другу мы не верим, но доверяем Путину!» Политолог Марк Урнов о вере россиян. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/10/30/urnov/> (дата обращения: 20.05.2020).

5. Рост религиозных компонентов в формировании общественного сознания (теологизация). В условиях отсутствия государственной идеологии и национальной идеи, несформированности образа будущего, снижения общего уровня образованности населения рационалистические компоненты заменяются иррациональными, в религии видится проверенный и надежный инструмент управления общественными настроениями. Однако поликонфессиональный характер российского социума потенциально таит опасность как межрелигиозного конфликта, так и радикализации религиозного сознания отдельных представителей различных конфессий.

Как потенциально опасные политические идеологемы и образы, которые может использовать внешняя и внутренняя оппозиция против действующего в России политического режима для дискредитации государственного аппарата, можно выделить следующие:

- требование соблюдения социальной справедливости при перераспределении национального дохода («социализм»);
- повышение статуса русского народа как государствообразующего («национализм»);
- формирование опасного для власти образа оппозиционного лидера должно произойти из военной среды (не наживший богатства военный-патриот, проливавший свою кровь в локальных конфликтах, пока остальные «сидели в тылу и множили свои доходы», примерами подобных образов могли бы служить Л. Рохлин, В. Квачков, Ю. Буданов, И. Стрелков).

Главная угроза в сфере информационной безопасности современной России – отсутствие целостной государственно-объединительной национальной идеологии, присутствует лишь набор идеологем (примеры: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России»; «США – фашистское государство») и политических технологий манипулирующего типа, дающие российской власти тактический выигрыш времени, но не стратегическую победу.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Какие основные нормативные правовые акты регулируют государственную политику России в сфере информационной безопасности?
2. Что подразумевали под «мягкой силой» и «управляемым хаосом» разработчики данных концепций?
3. Кого из ведущих российских ученых, специализирующихся в сфере политической коммуникативистики, информационной безопасности и смежных предметных областях, Вы можете назвать?
4. Как изменился характер военной угрозы в постиндустриальную (информационную) эпоху?
5. Какие особенности политического режима современной России могут быть использованы ее зарубежными оппонентами для попыток дестабилизации социально-политической обстановки в стране?

Практическое задание

Проанализируйте какой-либо из ключевых документов, регулирующих государственную политику в сфере информационной безопасности одного из зарубежных государств (например: National Cyber Strategy of the United States of America / <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>) на предмет выявления поставленных задач, вызовов, угроз, наличия оппонентов и т.д. Оформите свой ответ в виде письменной работы – эссе.

ГЛАВА 2

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

2.1. Патриотизм и историческая память как опорные категории российской информационной политики

Кризис и противоречивость процессов глобализации актуализируют запрос на поиск способов сохранения стратегической стабильности современной мировой политической системы. Акторы международного политического процесса сталкиваются с новыми вызовами и угрозами в сфере информационной безопасности, разрабатывают модели внутренней устойчивости политических режимов. Политические лидеры России видят возможный путь решения данных задач в опоре на патриотические идеологемы, на основе которых происходит выстраивание нового идеологического поля, и шире – на категорию исторической памяти. Поэтому необходимо раскрыть исторически сформировавшиеся особенности российского понимания патриотизма, выявить факторы, затрудняющие в современной России формирование единой патриотической идеологии и представить варианты дальнейшей эволюции патриотических идеологем и использования категорий исторической памяти в информационной политике современной России, направленной на противодействие угрозам в сфере информационной безопасности.

Патриотизм – это социальное чувство нравственного и в то же время политического характера, смысл которого кроется в любви к отечеству и способности совершить ради него альтруистический поступок даже в ущерб своим личным интересам. До настоящего момента в российской политической науке отсутствует общепринятое понимание феномена патриотизма, однако в случае принятия рассматриваемого в Государственной Думе проекта Федерального закона «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» определение патриотизма получит закрепление на правовом уровне: «Патриотизм – нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества»¹.

Особенности понимания патриотизма в России имеют свою специфику. Исторически свойственная России имперская модель политического устройства обрекала русскую цивилизацию на возведение в абсолютную ценность двух категорий – стремление к большой территории и стремление к большому количеству подданных. Именно в геополитической массивности и многолюдности правящие сословия или привилегированные социальные группы разных политических режимов России видели залог своей безопасности от внешних угроз и гарантию обеспечения материального благополучия. Стремление максимизировать показатели территориальных и демографических параметров российской цивилизации привели к тому, что процесс русского государственного строительства быстро и решительно перешагнул естественные этнотерриториальные рамки, после чего Россия

---

¹ Проект Федерального закона № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.11.2017) // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 22.01.2021).

«...впитала все богатство культуры евразийского геополитического пространства»¹.

В отличие от Западной Европы, которая путем проб и ошибок эволюционировала от имперских принципов геополитического устройства к модели наций-государств, а затем к поиску путей демократической конфедеративности, Россия принцип многонациональной симфонии ставила выше принципа опоры на государствообразующее историческое этнокультурное ядро, что породило неодобрение понимания патриотизма как любви именно к своему этносу, его обычаям, традициям, древним политеистическим верованиям. Российское понимание патриотизма развилось преимущественно как служение государственным институтам, правящему сословию. Частично данные факторы обусловили и настороженность власти к любым формам народной патриотической самоорганизации. Если, как отмечал профессор Х. М. Росалес, применительно к европейской истории можно говорить о национальной и о конституционной идентичности, причем именно последняя воспроизводит «эмпирию патриотизма»², то российская государственность воспринималась как предельно персонифицированная система властно-подданических отношений.

Главным субъектом патриотизма в России исторически выступало государство, право на разработку и реализацию патриотических программ закреплялось за соответствующими государственными структурами и реализовывалось через государственный аппарат, а все внегосударственные попытки проявления патриотических чувств воспринимались настороженно, как первый шаг к националистической угрозе. Вне власти, с точки зрения политической элиты, настоящего патриотизма быть не может, а могут быть только либо искренние националистические заблуждения, либо целенаправленные информационные диверсии с подачи внешних врагов.

---

¹ Нарыков Н. В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 248.

² Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 99.

Военизированное, милитаристическое понимание патриотизма – отличительная российская черта. Идеальным патриотом в историческом понимании был подданный, готовый по первому зову явиться в казарму, не раздумывая выступить на защиту государственных интересов от внешних или внутренних врагов. В этом мало общего с идеализированным историческим западным пониманием патриота¹ – свободного фермера, ведущего свое хозяйство на своей земле, но при необходимости берущего в руки свое ружье и объединившись с такими же соседями, дающего отпор врагу, в том числе и собственному правителю-тирану.

Обращает на себя внимание и другой факт – если история европейской цивилизации знает случаи, когда религиозные доктрины являлись обоснованием народных восстаний, а в Латинской Америке в рамках католицизма образовался даже феномен так называемой теологии освобождения, подтолкнувшей ряд священников в леворадикальные партизанские отряды, то в России ни церковь, ни византийская религиозная доктрина как таковые к восстанию против власти народ не вдохновляли.

Российская государственная идеология исторически базировалась на патриотических идеологемах (отдельный смысловой элемент идеологии как системы), и когда они переставали работать, вслед за идеологической коррозией неизбежно следовал и крах российских государственных институтов в виду их слабой опоры на гражданское общество или отсутствие такового. Причем самая сильная, но в то же время и самая уязвимая позиция в российской идеологии – это образ будущего, связанный с исторической миссией российского государства. Пока данный образ коррелирует с историческими реалиями, российские подданные готовы терпеть опричнину, крепостное право, низкий уровень жизни, коллективизацию и политические репрессии.

---

¹ Thurman R. Is gun ownership an act of patriotism? // Shooting Industry. 2014. Vol. 59. Nbr. 8. Режим доступа: <https://law-journals-books.vlex.com/vid/is-gun-ownership-an-636349741> (дата обращения 24.03.2020).

Как только этот образ исчезает, начинается либо социальный саботаж, либо прямое выступление социума против институтов власти. Утеря образа будущего на соответствующих исторических рубежах подорвала государственный строй как Российской Империи, так и Советского Союза. Но та же проблема – формирование образа будущего, стоит перед современной Россией, привычно сделавшей идеологическую ставку на воспитание патриотизма своих подданных. Однако можно выделить как минимум три фактора, затрудняющих формирование единого патриотического образа в самосознании российских граждан.

Первый фактор – усиливающееся социально-экономическое расслоение общества на богатые и бедные страты. На долю пяти процентов самых обеспеченных россиян приходится свыше восьмидесяти двух процентов богатства всех домохозяйств страны¹.

Второй фактор – интенсивное возрождение этнорелигиозного самосознания национальностей Российской Федерации на фоне относительно ослабленного этнорелигиозного сознания русского народа. Разность этих «потенциалов» приводит к активной модели «колонизации» новых жизненных пространств представителями малых народов, мигрирующих с территории исторического проживания в уверенности, что среди массы «идеологически разряженного» русского населения им будет гораздо легче обретать устойчивые экономические и статусные позиции, чем среди традиционалистского социума соплеменников, максимально жестко регулирующего каналы вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

Третий фактор – противоречивость в мировоззрении современной российской политической элиты. Жесткая антизападная риторика и даже угрозы сочетаются со стремлением активно пользоваться социально-экономическими достижениями Запада в личных целях.

---

¹ Гонтмахер Е. Государственные финансы и бизнес в России: в поисках баланса // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 75.

Это подрывает доверие к генерируемым элитой патриотическим идеологиям внутри российского социума.

В сложившейся ситуации представляется три возможных варианта эволюции патриотических идеологием в рамках попыток выстраивания целостной идеологии в России.

1. Инерционно-имперский вариант. Исходя из имеющихся тенденций государственной политики¹, предполагается как наиболее вероятный. При данном сценарии предусматривается сохранение существующего понимания патриотизма в его выраженной этатистской форме, ставка на милитаризм, развитие положительного образа «силовиков-охранителей» как главной опоры социума, образ Великой Отечественной войны как ключевая точка исторической памяти², возрастание политической роли христианства и ислама, подчеркивание вклада малых народов страны в героическое прошлое и не менее героическое настоящее. Исторический смысл существования русского народа будет трактоваться исключительно как составная часть многонационального российского народа, своеобразный «социальный цемент», функция которого соединять и сохранять малое и множественное, а не унифицировать его в единое по своему подобию.

Эксперты американской корпорации RAND выделяют пять ключевых элементов в системе национальных интересов России: защита государства и политического режима, сохранение влияния на страны ближнего зарубежья, закрепление международного статуса России

---

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 1493 «Об утверждении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016-2020 годы». Информационно-правовой портал. «Гарант» // Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296398/> (дата обращения 24.01.2020); О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Волгоградской области: Закон от 5 декабря 2016 года № 123-ОД // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/444865743> (дата обращения 24.01.2018); Проект Федерального закона № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.11.2017) // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

² Серебрянников В. В. О патриотизме как объекте науки // Духовный потенциал Великой Победы и современный патриотизм: Материалы заседания Философского клуба Ассоциации «Мегапир». М.: Книга и бизнес, 2003. С. 73–82.

как великой державы, обеспечение невмешательства в свои внутренние дела, равноправные политические и экономические отношения с великими державами¹. Инерционно-имперский вариант выстраивания внутригосударственных смысловых конструкций оптимально подходит для обслуживания данных элементов. Основной риск при реализации этого сценария – постепенно может наступить коррозия общенациональной идеи на фоне обостряющегося экономического кризиса, а также под воздействием указанных выше трех негативных факторов.

Сама стратегия действий российской политической элиты находится в состоянии постоянной трансформации, рефлекслируя изменения на международной арене и внутри страны. Как отмечал профессор А. Г. Большаков: «Политическая система, сложившаяся в России в постсоветский период, включает в себя одновременно авторитарные и демократические практики, а их баланс постоянно колеблется»².

Вытесненные в подполье межэтнические и межрелигиозные противоречия могут перейти в горячую фазу социального конфликта неожиданно для государственной власти. Российская Федерация рискует повторить путь СССР, что обусловлено смысловой уязвимостью современных идеологических конструкций, иногда основанных на искажении или упрощении исторических фактов, конструировании исторических мифов и формировании образа врага, который, впрочем, быстро ослабляется в сознании россиян. Например: «...если в ноябре 2014 г. 84 % опрошенных “Левада-Центром” считали, что у сегодняшней России есть враги, то в декабре 2016 г. такое мнение имели 68 %»³.

2. Реформистско-националистический вариант предусматривает изменение государственной политики в сторону смещения акцента именно на русский народ, его историю, его победы, его незаменимую

---

¹ Radin A., Reach C. B. Russian Views of the International Order. Santa Monica, Calif.: Published by the RAND Corporation, 2017. P. 7–31.

² Большаков А. Г. Наша политическая трансформация: завершение или пауза? // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 178.

³ Козырев Г. И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социс. Социологические исследования. 2018. № 1. С. 57.

роль государствообразующей нации. Обращение к культуре древнего славянства, укрепление национальной идентичности и национального сознания русского народа, формирование в рамках современной России Республики Русь и превращение России в полноценную федерацию как добровольное политическое содружество разных народов. Данного сценария российский политический класс стремится избежать всеми возможными средствами ввиду его очевидной опасности – вероятности утраты контроля над социально-политическими процессами со стороны правящей элиты, появления вождей популистского толка «снизу», радикализации общественных настроений, распада страны. Даже корректная формулировка ст. 68.1 Конституции РФ: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», введенная в 2020 г., вызвала полемику¹.

3. Реформистско-либеральный вариант. Данный сценарий наименее вероятен, поскольку естественных исторических предпосылок к нему в России нет. Попытки тотальной либерализации экономики и демократизации политической системы государства в 90-е гг. XX в. во время президентства Б. Н. Ельцина вызвали противодействие со стороны значительных страт социума и обеспечили переход политической власти в руки консерватора-этатиста В. В. Путина, что парадоксальным образом ужилося с консьюмеризацией массового сознания граждан.

Данный вариант сценария предполагал бы:

- появление в России приемлемой для всех социальных, этнических и религиозных групп универсальной идеологии совместного существования, понимаемого как состояние экономического процвета-

---

¹ Муфтий Татарстана выступил против поправки в Конституцию о народе // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2020/5e5e63ce9a79472d4d8e6447> (дата обращения: 03.05.2020).

ния и социальной безопасности, достигаемого и поддерживаемого исключительно совместными усилиями при максимальной открытости внешнему миру;

- демилитаризацию общественного политического сознания;
- ослабление сакральности, а в конечном итоге, и централизованности политической власти;
- развитие институтов гражданского общества;
- предпочтение идеологием культурно-цивилизационной открытости и взаимосвязанности;
- гражданскую религию, идущую на смену традиционным иерархическим церковным организациям.

Гражданская религия трактуется многообразно. Этот феномен может пониматься абстрактно – как «религия вообще», без привязки к конкретному воплощению и именованию Бога и понимание его как некоей высшей закономерности Вселенной, а главной ценностью выступает достойная и безмятежная жизнь¹. Есть и другое понимание гражданской религии – наделение сакральным значением государства и его официальных символов, что позволяет человеку встать над своей конфессией в поликонфессиональной стране и исполнить свой государственный долг².

Историческая память – одна из основных категорий информационной политики, способная выступать не только вектором духовной сплоченности народа, но и блокировать распространение деструктивных, экстремистских идеологием, повышать устойчивость социума к внешнему информационному воздействию манипулятивного характера. Историческая память – понятие более широкое, чем патриотизм, в нормативно-правовых документах РФ, регулирующих государственную политику в сфере информационной безопасности, данное определение отсутствует, что не мешает его широкому использованию. Например, За-

---

¹ Гостев А. Гражданская религия и военная организация государства: опыт США // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 34–35.

² Там же. С. 34–41.

конопроект «О Патриотическом воспитании» среди основных направлений государственной политики РФ в сфере патриотического воспитания указывает «развитие исторической памяти на всех уровнях образовательного пространства: поддержка памятников Воинской славы, в том числе могил неизвестному солдату и воинских захоронений, как на территории России, так и за рубежом»¹.

Историческая память как политический феномен может быть определена как устойчивый и общепринятый конгломерат оценочных суждений относительно прошлого своего народа. Историческая память позволяет народу позиционировать себя в рамках мировой цивилизации, представлять свою историческую миссию созидательного характера. Вокруг данной категории разворачивается жесткое информационное противоборство, итогом которого является право народа самостоятельно формировать свою историческую память или утрачивать его. Последнее является, как правило, следствием военных катастроф (Германия) или поражений в межцивилизационном противостоянии (СССР). Доктор исторических наук Г. Герасимов вводит понятие исторического суверенитета: «право государства на самостоятельную трактовку своего прошлого и признание верности этой трактовки другими государствами и обществами»².

Историческая память российского народа может быть охарактеризована следующими чертами:

- доминирует модель восприятия «сотворения» истории именно русским народом, другие народы России сохраняют своеобразие восприятия, но политические процессы в большей степени замкнуты на русскую модель;

---

¹ Проект № 315234-7 Федерального закона «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.11.2017 // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

² Герасимов Г. Исторический суверенитет и историческая политика // Эксперт. 2018. № 11. С. 54.

- историческая память русского народа в меньшей степени ориентирована на территориальный императив, поэтому относительно безболезненно были восприняты территориальные уступки, на которые пошла Российская Федерация в спорах с Китаем, Норвегией, ранее – США; провал проекта «Новороссия», подразумевавший отделение от Украины с перспективой вхождения в состав РФ широких областей территорий вплоть до Одессы, не стал национальной травмой в русской геополитическом восприятии;

- историческая память русского народа характеризуется неустойчивостью и кратковременностью образа народа-врага, с которым ранее шли кровопролитные войны, в настоящий момент нет широкой неприязни к шведам, французам, туркам, японцам, немцам;

- в то же время присутствует постимперский травматический синдром, вызванный утратой великой державы (СССР) мирового уровня и сменой политических ориентиров стран Восточной Европы в сторону антироссийской позиции;

- историческая персонификация образа верховной власти, который связывается с конкретной фигурой национального лидера.

Информационная политика современной России во многом базируется на сакрализации образа Великой Победы и всей Великой Отечественной войны. Данная идеологическая конструкция достаточно хорошо раскрыта в отечественной науке не только политологами, но и историками и социологами, поэтому целесообразно отметить лишь связанные с информационно-идеологической эксплуатацией данного образа недостатки:

- желание приукрасить историческую действительность, обретающую характер священной, сакральной, а значит и непогрешимой, приводит к возникновению исторических мифов, которые могут быть устойчивы на определенном отрезке времени, но разрушаться на другом. В 80-е гг. XX в. разрушающиеся исторические мифы советской истории, созданные предшествующими правителями, внесли весомый вклад в

провал реформ М. С. Горбачева, потерю им власти и распад самого Советского Союза. В настоящее время ряд героических эпизодов истории Великой Отечественной войны противниками политического режима В. В. Путина подвергается критике с позиций исторической объективности, например подвиг 28 панфиловцев, пока эта критика не находит отклика в политическом сознании социума, но нет гарантии, что так будет всегда. Поэтому с осторожностью нужно относиться к позиции отдельных государственных служащих, считающих приемлемым практику исторического мифотворчества. Например, бывший министр культуры РФ В. Р. Мединский так формулировал свою позицию: «Моё глубочайшее убеждение заключается в том, что даже если бы эта история была выдумана от начала и до конца, даже если бы не было Панфилова, даже если бы не было ничего – это святая легенда, к которой просто нельзя прикасаться»¹;

- постоянное подчеркивание ведущей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии воспринимается как данность современной Российской аудиторией, но вызывает раздражение в зарубежных странах;

- использование образа Великой Отечественной войны современной российской пропагандой может сформировать упрощенное восприятие этого исторического события, когда внешний визуализированный образ (исторические реконструкции и игры, снятые в жанре экшн-боевика художественные фильмы и т.д.) заслонит собой рациональное восприятие, несущее историческое знание, из которого можно извлечь объективный опыт на будущее, тем более что дискуссии по спорным вопросам, связанным с этим событием, официально не приветствуются²;

- в недостаточной степени используются образы исторической памяти русского народа более далеких исторических периодов, чем Великая Отечественная война, а обращение к дохристианским религиозно-

---

¹ Мединский назвал «конченными мразями» сомневающимися в подвиге панфиловцев // РИА Новости. Россия сегодня. Режим доступа: <https://ria.ru/society/20161004/1478502045.html> (дата обращения 6.01.2020).

² Президент Дмитрий Медведев высказался категорически против того, чтобы дискуссии по историческим вопросам становились частью учебного процесса // Эхо Москвы. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/news/621041-echo.html> (дата обращения 3.01.2018).

духовным корням восточнославянских племен и вовсе грозит обвинением в политическом экстремизме.

Подводя итог, можно отметить, что для оптимизации государственного управления сферой информационной безопасности во внутрисосудском пространстве следует больше внимания уделять не только государственническому, но и гражданскому патриотизму; не только диалогу четырех традиционных конфессий, но и формированию так называемой гражданской религии; использование образа Великой Отечественной войны должно стать гибче и многограннее, с исключением формализма и преодолением боязни публичных дискуссий по спорным историко-патриотическим темам; избегать упрощенного применения образа врага к политической оппозиции; формировать полноценный коммуникативный процесс с некоммерческими организациями, общественными движениями, активнее способствовать формированию полноценного гражданского общества, основанного как на уважительном отношении к государству и закону, так и на соблюдении прав человека.

2.2. Переход от информационного противоборства к диалогу культур как практика межгосударственной информационной политики

Информационное межгосударственное противоборство направлено на нарушение информационного суверенитета оппонента, что позволит оказывать влияние на параметры его политического режима, вплоть до свержения. Соответственно, контрдействия противоборствующих сторон направлены на защиту своего государственного суверенитета, недопущение внешнего пропагандистского воздействия на политическое сознание граждан и политических (управленческих) элит. Своеобразие современной стадии межгосударственного противоборства в информационной сфере отличается проницаемостью информационных границ, взаимосвязью внешних и внутренних

элементов в системе противоборства (например, внутренняя оппозиция в подвергнутом информационной атаке государстве активно использует положительный идеализированный образ другой страны для давления на свой политический режим, который, в свою очередь, стремится представить оппозицию пятой колонной своего внешнеполитического противника, а не в качестве самостоятельного актора, порожденного внутренними проблемами), отсутствием или ослабленной ролью государственной политической идеологии.

Анализируя государственную информационную политику современной России и других государств, можно выявить две основные модели противодействия информационной войне: запретительную (пассивная оборона), агитационную (экспансивная оборона).

Запретительная модель (пассивная оборона): реакция на возникающие по факту угрозы, стратегия защиты государственной инфраструктуры от информационного давления со стороны оппонентов строится на системе запретов, блокирования доступа к нежелательной информации, на выявлении и подавлении генераторов и распространителей данной информации (уголовное преследование, дискредитация, социально-психологическая изоляция и т.д.). Широко распространенная вплоть до конца XX в., данная модель была эффективна в рамках мировой политической системы, основанной на глубоком идеологическом размежевании, позволяющем проводить четкие границы по принципу «мы – они». Противостояние оппоненту носило экзистенциальный характер, правота собственной позиции по умолчанию не требовала логических доказательств и усваивалась гражданами в рамках политической социализации. Информационно-коммуникационная революция, включившая национальные политики в глобальное информационно-культурное пространство, качественно снизила эффективность данной модели, основанной на запретах и блокаде нежелательной информации, так как подданные получают все больше возможности для самостоятельного (в обход государства и даже вопреки запрету с его стороны) доступа к ней.

Показательной в этой связи является информационная война между Российской Федерацией и частной корпорацией П. Дурова, обеспечивающей работоспособность интернет-мессенджера Telegram, развернувшаяся с апреля 2018 г. в ответ на отказ П. Дурова предоставить российским правоохранительным органам доступ к зашифрованной частной переписке пользователей. Все ресурсы, использованные государством для борьбы с Telegram, оказались неэффективны, и работа мессенджера продолжилась. Не удалось технологически подавить и другие инструменты, обеспечивающие российским пользователям анонимность в Интернете и доступ к противозаконной информации, например популярную систему прокси-серверов Tor, которая позволяет пользователям скрывать от служб слежения свой IP-адрес, получать доступ к заблокированным российскими провайдерами сайтам, пользоваться так называемым глубинным Интернетом с неиндексируемой стандартными поисковыми системами информацией. Более того, внутрироссийская оппозиция активно использует государственную кампанию против Telegram для вербовки своих сторонников, консолидации, формирования своего положительного образа борца за информационную свободу, что популярно в молодежной среде. Если митинги в поддержку Telegram в конце апреля 2018 г. начались в России под лозунгами защиты прав граждан на приватность частной переписки («Спасибо, Паша!» – лозунг в поддержку создателя Telegram Павла Дурова), то уже к началу мая 2018 г., благодаря усилиям либертарианцев и приверженцев идей западного либерализма, лозунги приобрели радикальный политический характер («Он нам не царь!» – требование отставки Президента России В. В. Путина).

Падение эффективности запретительной стратегии показывается не только эмпирикой современного политического процесса, но и научными исследованиями: «...исследования норвежских ученых показали, что среда, в которой отфильтровываются противоречивые мнения, только увеличивает риск экстремистского насилия. Опыт

норвежских исследователей подтверждают результаты работы американской неправительственной организации Human Rights First, которая зафиксировала удвоение антисемитских выступлений во Франции с 2014 по 2015 год. В стране, где агрессивно применяются законы против разжигания ненависти, а отрицание холокоста приравнивается к преступлению. Похоже, погоня за политкорректностью не только убивает свободу слова в Европе, но и приводит к деградации общественных устоев»¹.

Агитационная модель (экспансивная оборона): основана на подавлении идеологических концептов и информационно-политических кодов противника и продвижении своих как на собственном информационном поле, так и на информационное поле оппонента. При таком подходе государственные службы с привлечением общественных организаций и движений максимально широко разворачивают систему информационно-пропагандистской работы с учетом принципов сетевых коммуникаций, дискутируют с наиболее опасными политическими оппонентами публично в целях привлечения в свои ряды их сторонников и безусловного перехвата влияния на нейтральную часть массовой аудитории.

Однако наиболее эффективной представляется **Комбинированная модель информационного противодействия**, которая основана на сочетании принципов указанных выше двух моделей, когда выборочно блокируются только наиболее радикальные и социально неприемлемые (отторгаемые подавляющим большинством граждан государства) генераторы идеологем на фоне информационного плюрализма по отношению к иным оппонирующим акторам политико-коммуникационного процесса. Применение комбинированной модели противодействия угрозам в сфере информационной безопасности требует реализации комплекса мер не только правового, но и образо-

---

¹ Денисенко К. Французский поцелуй безмолвия. «Удар по кошельку» и «политическая корректность»: как Франция борется с инакомыслием и независимыми журналистами // Эксперт. 2018. № 12. С. 53.

вательного характера – повышения качества подготовки кадров в области информационного обеспечения процессов государственного управления.

В период с 2000 г. по настоящее время Россия создала разветвленную структуру обеспечения информационной безопасности на внешнеполитическом направлении и информационного воздействия на зарубежную аудиторию, включающую все необходимые звенья (принятие решения, аналитическое сопровождение, создание информационного продукта, трансляция информационного продукта – см. рис. 2). Россия использует разнообразные методы информационной работы – официальная (государственная) дипломатия, осуществляющая информационно-просветительские мероприятия по линии Россотрудничества, различные неправительственные организации и фонды, призванные укреплять неформальные связи по линии экспертного сообщества и гражданских инициатив, центры общественной дипломатии, созданные при важнейших университетах страны.

Рисунок 2 – Уровни обеспечения информационной безопасности России

Важнейшими компонентами системы зарубежного вещания являются медиагруппа «RT» (ранее – «Russia Today»), «Радио Sputnik». Примерами центров аналитического обеспечения являются Российский институт стратегических исследований, международный дискуссионный клуб «Валдай», Центр военно-политических исследований при МГИМО МИД РФ, Совет по внешней и оборонной политике, Российский совет по международным делам. Важным инструментом «мягкой силы» России, призванным помогать соотечественникам в ближнем зарубежье сохранять свою культурную и языковую идентичность является фонд «Русский мир».

Но насколько эффективно работает данная система, является дискуссионным вопросом. Характерные проблемы российской системы управления – формализм, бюрократизация, коррупция сказываются и в этой сфере, порой нанося репутационный ущерб самому российскому государству. Примером может служить антикоррупционное расследование так называемого Фонда противодействия коррупции в отношении пресс-секретаря Президента РФ Д. С. Пескова и его родственников – возник скандал, связанный с зарубежным имуществом его бывшей жены Е. Солоцинской, в результате которого она была вынуждена оставить должность руководителя Российского центра науки и культуры в Париже¹. В 2020 г. было принято решение сменить и руководство уже самого Россотрудничества, поставив во главе Россотрудничества (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству) ведущего популярной аналитической передачи «Международное обозрение» Е. Примакова.

---

¹ Бывшая жена Пескова сообщила об увольнении из Россотрудничества // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2018/5a8757a89a794765e90851b7> (дата обращения 06.05.2018).

Более двух тысяч лет большая часть человечества в общих чертах развивалась в социально-экономическом параметре, определенном западной цивилизацией. Данный вектор имел свои достоинства и недостатки, нес человечеству как социальный прогресс, так и мировые войны, геноцид. Однако сейчас Запад уже не способен самостоятельно продолжать выполнять функции глобального управления, не может нести ответственность за судьбы народов планеты путем эффективного поддержания мира и безопасности. Но главная проблема Запада состоит в невозможности сформировать образ будущего для единого человечества.

Человеческая цивилизация усложнилась как трансформирующаяся взаимозависимая социально-экономическая система. Причем решающая фаза глобальной трансформации прошла в последние тридцать лет и приняла необратимый характер столь быстро, что поставила в тупик ведущих интеллектуалов нашего времени, поспешно выдвигавших теории и прогнозы, а затем отказывавшихся от них. Характерным примером является эволюция взглядов американского политолога Ф. Фукуямы – от апологетики США как эталона цивилизационного развития, до признания факта постепенного схода с демократического тренда¹.

В современном мире моноэтничность утратила значение как государствообразующий принцип, границы приобрели проницаемость для миграционных потоков и утратили значение барьера, которым один народ мог отделиться от другого. Все усилия государств остановить миграционные процессы с Юга на Север, с Востока на Запад в последнее десятилетие потерпели неудачу. Плотность и доступность информационных потоков, формирующих картину мира, приводит к тому, что все большее число граждан неблагополучных регионов планеты начинают считать своим домом весь мир, не утрачивая при этом чувства взаимосвязи со своими традициями, со своей цивилизацией.

---

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 418 p.; Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ 2017. 704 с.

Активизировалась религия как универсальный регулятор сосуществования людей в социуме.

Мир вступил в эпоху многообразия как универсальной ценности и ключевого принципа экономического и духовного развития. Но как соединить принцип многообразия с универсальными трендами глобализации? Как сделать народы открытыми для свободного взаимопроникновения и взаимообогащения культур, не утрачивая при этом традиций, исторических духовных ценностей, переданных нам нашими предками? На подобные вопросы именно западная цивилизация не сможет сегодня дать ответ. Запад испытывает проблемы не столько экономические или геополитические, но духовные, ментальные. Европа как единая цивилизация столкнулась с серьезнейшим вызовом своей идентичности, единству. Начавшийся процесс выхода Великобритании из Евросоюза, референдум о независимости Каталонии, политический протест лидеров Венгрии, Польши и ряда других Восточноевропейских стран, отказавшихся принимать мигрантов по назначенным руководством Евросоюза квотам, – симптомы системного кризиса¹.

Современная Европа поражена двумя серьезными политико-социальными болезнями. Первый негативный тренд – это евроисламизм, псевдорелигиозный экстремизм. Произошла радикализация на религиозной почве, пусть и в численном измерении незначительной, но агрессивной части европейских граждан и лиц без гражданства. Второй негативный тренд – постепенное возвращение в Европу национализма коренных жителей, казалось бы, навсегда вытравленного итогами Второй мировой войны.

---

¹ Ries C., Hafner M., Smith T. After Brexit. Alternate forms of Brexit and their implications for the United Kingdom, the European Union and the United States. Santa Monica, Calif.: Published by the RAND Corporation, 2017. 159 p.; Scuiria L. Brexit beyond borders: Beginning of the EU collapse and return to nationalism // Journal of International Affairs. 2017. Vol. 70. №. 2. Режим доступа: https://law-journals-books.vlex.com/vid/brexit-beyond-borders-beginning-699961457?_ga=2.180642791.1568377944.1516804873-180274788.7.1516804873 (дата обращения: 24.03.2020).

Профессор М. Л. Энтин на примере политической истории Национального фронта во Франции обращает внимание на характерную эволюцию европейского истеблишмента: если в 2002 г. неожиданный выход правого популиста Жан-Мари Ле Пена во второй тур президентских выборов вызвал общенациональный шок, заставивший сплотиться все политические силы Франции и установить бойкот Ле Пену в СМИ, то в 2017 г. его дочь и политическая преемница Марин Ле Пен не только была ожидаемым и прогнозируемым участником второго тура выборов, но и опиралась на значительную поддержку французского электората, выступала желанным гостем во французских СМИ, не воспринималась как «общенациональный политический аллерген», способный консолидировать против себя все иные политические силы страны¹.

К сожалению, в поисках выхода из сложившегося кризиса идентичности, грозящего перерастанием в состояние стратегического хаоса, современная западная политическая и интеллектуальная элита не нашла более разумной попытки выхода, чем ставка на пропагандистский фактор «российской угрозы»². Провокационная, русофобская активность идеологов Североатлантического альянса сместила акцент на националистические, агрессивные местечковые политические силы в сопредельных с Россией государствах. Это вынудило Российскую Федерацию дважды, в 2008 и 2014 гг. задействовать вооруженные силы для обеспечения безопасности не только русского, но и других народов. Причем и в грузинском (2008 г.), и в украинском (2014 г.) конфликтах Россия стремилась применять военную силу по возможности краткосрочно и ограниченно, не рассматривая в качестве врагов ни грузинский, ни украинский народы, считая граждан Грузии и России своими братьями по общей исторической судьбе, ставшими объектом игры внешних сил. И сейчас Россия прилагает

---

¹ Энтин М., Энтина К. От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 12. С. 11.

² Paul C., Matthews M. *The Russian «Firehose of Falsehood» Propaganda Model. Why It Might Work and Options to Counter It*. Santa Monica, Calif.: Published by the RAND Corporation, 2016. P. 2-11.

все усилия для нормализации отношений с Грузией и Украиной. Несмотря на все факторы внешнего противодействия, Россия будет продолжать усилия по преодолению искусственно сложившегося геополитического противостояния, стремиться найти вектор продвижения к духовно-культурному единству.

Российская геостратегическая и экономическая концепция «поворота на Восток», заключающаяся в постепенной переориентации фокуса как военно-политического, так и торгового сотрудничества с Европейского Союза на Китайскую Народную Республику, страны Ближнего и Среднего Востока, носит во многом вынужденный характер и не отменяет задач поиска путей нормализации отношений с «Большой Европой». Сейчас перед Брюсселем и Москвой стоит общая задача – поиск выхода из политического тупика, который осложняет экономическую ситуацию как в России, так и в Европе. Необходимо перейти от режима информационного противоборства к режиму духовно-культурного сотрудничества с опорной на точки общих интересов.

Первой точкой российско-европейского соприкосновения может стать духовная сфера. Задача европейской цивилизации в современном мире конфликта идентичностей – сохранить свою культуру, свою уникальность. Под влиянием негативных факторов европейцы вновь все глубже задумываются о своих исторических духовных ценностях – Бог, семья, патриотизм, твердая государственная власть. Но эти же ценности сейчас исповедует и сохраняет Россия. Возможно, Европе следует присмотреться к российскому поиску укрепления цивилизационной идентичности, а не впадать, солидаризируясь с политической элитой США, в демонстративную русофобию и порицание российского историко-духовного базиса.

Второй точкой соприкосновения является молодежь Евросоюза и России. Подрастающее поколение «миллениума» как в Европе, так и в России, меньшее значение придает политике, ее сознание не обременено идеологическим грузом памяти о холодной войне. На первое место в отношениях молодежи выходит не политическая или национальная идентичность партнера, а доброжелательность, умение общаться,

открытость для внешнего мира. Этим трендам весьма способствуют продолжающееся распространение английского языка, снимающего лингвистические преграды в общении, а также общедоступность системы цифровых коммуникаций, особенно социальные сети. Чем большее значение политические руководители государств будут придавать реализации совместных программ молодежного обмена, тем скорее исчезнут взаимные негативные стереотипы между народами.

Европейским партнерам следует обратить внимание и на российскую модель национальной политики. Именно в России можно найти реально работающий «мультикультурализм» (плодотворное взаимообогащающее содружество различных этносов и конфессий в рамках одной политической территории), о крахе которого сожалеют политические лидеры на просторах Евросоюза¹. Российский опыт показывает, как разные этносы, культуры и религии могут автономно и относительно бесконфликтно сосуществовать в рамках единого государственного пространства, не подвергаясь ассимиляции со стороны большого этноса, не утрачивая свою самобытность, но и не впадая в сепаратизм.

Европе будет полезен российский опыт постсоветской интеграции, если существующая модель Европейского союза окажется в настолько глубоком кризисе, что встанет вопрос о поиске альтернативы. Россия прошла долгий и трудный путь от Беловежских соглашений 1991 г., разрушивших Советский Союз, к созданию Евразийского экономического союза в 2015 г. и в силу исторических традиций и географического положения приняла на себя роль координатора данного процесса. Конструируя образ будущего, Россия и Европа с высокой степенью вероятности будут опираться на патриотические идеологии. Гораздо меньше внимания Россия уделяет феномену гражданской религии, консолидирующий потенциал которой пока не раскрыт в полной мере.

---

¹ Меркель заявила о провале мультикультурализма // ВВС. Русская служба. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed (дата обращения: 08.05.2018).

В современном мире открытых пространств (экономического, информационного, социально-коммуникативного и, с некоторыми оговорками, геополитического пространства) неизбежно проиграют те политические стратегии, которые основываются на стремлении к возведению стен между народами и выиграют те, которые умеют наводить мосты между ними. Глобализация не только открыла народам новые возможности развития, но и вызвала ряд отрицательных эффектов, одним из которых стал кризис национальной идентичности, рассогласованность в действиях по стремлению к открытому миру без границ, единому человечеству как социальной общности, и необходимостью ужесточать антитеррористическую политику и миграционное законодательство. Значительная часть мигрантов, переселяющихся на европейские пространства с Ближнего Востока, Африки и других регионов планеты, оказалась не готова к восприятию западных ценностей: демократии, либерализма, гуманизма, индивидуализма, вторичности религии в политическом процессе, развитого правовое сознания.

Столкнувшись с проблемами интеграции миграционных потоков в европейский социум, политические лидеры Европейского Союза, вполне обоснованно отказавшиеся от политики принудительной ассимиляции нового населения, на современном этапе развития ситуации вынуждены решать не только проблему, связанную с мигрантами, но искать ответ на вызов единой идентичности уже самих европейских народов. Российский исторический опыт демонстрирует, что в едином политическом пространстве могут относительно бесконфликтно сосуществовать и взаимодействовать разные этничности, конфессии, социальные страты¹. Связующим звеном этих элементов является государственный патриотизм, понимаемый как умение поставить личные интересы на службу общественным, защищать общегосударственные интересы, не утрачивая при этом своей локальной идентичности.

---

¹ Матвиенко Е. А. Толерантность и безопасность: диалектика взаимодействия // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: сборник статей. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 43–49.

Двуглавый орел Российского государственного герба символизирует не только евразийский характер государственной власти, он символизирует историческую готовность России к диалогу культур Запада и Востока. Тактичная, осторожная работа российской дипломатии (государственной и общественной «народной»), умение уклоняться от политических провокаций – неизбежно принесут положительный результат. Международные программы студенческого и школьного обмена, совместные научные конференции, культурно-исторические выставки, спортивные мероприятия – лишь некоторые из инструментов «мягкой силы», задача которых сформировать положительный образ России в восприятии как рядовых граждан Европейского Союза, так и представителей политических элит, как закономерный шаг к формированию парадигмы формирования Большой Европы от Атлантики до Тихого океана.

Вопросы для самостоятельной работы

1. В чем различие между идеологией и идеологемой?
2. Существует ли государственная идеология в современной России?
3. Почему патриотизм по факту является национальной идеей России?
4. Назовите государственных и негосударственных акторов, входящих в систему обеспечения информационной безопасности России?
5. Что понимается под «диалогом цивилизаций» и «мультикультурализмом» в современном мире?

Практическое задание

Проанализируйте текст находящегося на рассмотрении в Государственной Думе России Проекта № 315234-7 Федерального закона «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7>), сформулируйте свои предложения в данный законопроект. Оформите свой ответ в форме эссе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущностью государственного управления являются субъект-объектные отношения между наделенными и не наделенными властными полномочиями акторами, направленные на поддержание социальной стабильности и правопорядка, создание условий для материального и духовного благополучия и развития граждан. Ключевым компонентом выстраивания эффективной субъект-объектной коммуникации является информация как обмен смыслами, образами, формальными командами (приказ-отчет). Роль информации, систем ее генерирования и передачи оказывается в фокусе политических исследований с середины XX в. в связи с разворачивающимися процессами глобализации и «цифровой революции». В точных науках сформировалась общая теория информации, представлявшая ее как материю, существующую по научно постижимым принципам, а затем через кибернетику распространившуюся на сферу политических наук и признанную одним из ключевых элементов функционирования политической системы.

Увеличение информационных потоков и усиление их влияния на политический процесс породило запрос на формирование как теорий объяснительного рода, так и на практические рекомендации по использованию данного феномена в государственном управлении. Не ставя под сомнение поступательно растущее значение информации и усиление внимания государств к информационному фактору внешней и внутренней политики, современные концепции не демонстрируют единого понимания образа будущего, которое возникнет под воздействием «цифровой революции». Медиакратия может способствовать как становлению меритократии, так и росту влияния популист-

ских политических сил, пробуждающих низменные чувства и агрессивные инстинкты социальных групп и отдельных индивидов. Подтверждается, что тренд на усиление роли государственных институтов по управлению информационными потоками будет усиливаться, однако насколько успешными будут данные действия, покажет практика ближайшего десятилетия.

Российская нормативно-правовая база, регулирующая процесс принятия и реализации управленческих решений в сфере информационной безопасности, может быть охарактеризована как развитая, охватывающая широкий спектр действий государства, гражданского общества, личности, имеющая выраженный запретительно-регулятивный характер. Установлена эволюция нормативно-правовой базы в сторону расширения сфер регулирования, появления дополнительных норм и запретов, ужесточения санкций за их нарушение. При этом ряд правовых дефиниций, например определение экстремизма, умышленно оставляются в неконкретизированном состоянии, позволяющем толковать их максимально широко и применять для вынесения обвинительных приговоров и запретительных решений. Основные потенциальные угрозы в информационной сфере российское руководство видит не столько в киберугрозах военного характера (не санкционированное вмешательство в системы управления войсками, отдельными единицами военной техники или технологиями опасных производств), сколько в свободном распространении информации политического пропагандистского характера, потенциально способной привести к прорыву легитимности органов государственной власти и утрате ими контроля над российским населением.

Политические информационные технологии деструктивного типа, основанные на новейших теориях «мягкой»/«умной» силы и «управляемого хаоса» потенциально способны не только дестабилизи-

ровать систему информационной безопасности России, но и политический режим. В ходе исследования выявлены следующие ключевые «узлы уязвимости» в системе информационной безопасности России: квазиавторитарный характер политического режима вынуждает вести двойственную информационную политику, не совпадающую с политической реальностью – декларация демократических принципов на фоне фактической ликвидации социальных лифтов, сменяемости верховной власти (сложившийся механизм власти не позволяет реагировать на политический кризис методом упреждающей замены государственного руководства, попавшего под критику и компрометацию), рост социально-экономической поляризации общества, центральное значение образа В. В. Путина как единственного общенационального лидера (соответственно, являющегося и главным объектом информационно-имиджевых атак), вестернизированное мировоззрение значительной части российской политической, экономической и творческой элиты, коррумпированность государственного аппарата, форсированная теологизация социума. Задача обеспечения информационной безопасности современной России не может быть решена без формирования общепринятой идеологии национально-объединительного, консолидирующего типа.

Патриотизм как социальное чувство и взаимосвязанные с ним категории исторической памяти могут стать базовой опорой формирования общегражданской консолидирующей идеологии, ставящей барьер распространению экстремистских идеологем внутри государства, и повысить устойчивость России к деструктивным информационно-пропагандистским воздействиям внешнего генезиса. Инерционно-имперский вариант идеологического развития представляется наиболее вероятным и предусматривает трактовку патриотизма в этатистской форме, милитаризацию общественного сознания, использование образа Великой Отечественной войны как ключевой точки

исторической памяти, возрастание политической роли христианства и ислама. Духовно-нравственные ценности социального единства, предусмотренные российской государственной политикой в сфере патриотического воспитания граждан, могут стать сферами сближения позиций России и стран Европейского Союза, вынужденных реагировать на схожие по своему генезису проблемы. В сложившихся условиях у России, с опорой на собственный опыт этнокультурного многообразия, появляется шанс заявить о себе как о международной площадке эффективного межкультурного диалога в реалиях сегодняшнего дня.

Можно выделить две базовых модели реализации государственной политики в сфере информационной безопасности: запретительную (пассивная оборона), агитационную (экспансивная оборона) и третью комбинированную, сочетающую в себе как технологии первой и второй моделей, так и консенсусную парадигму, направленную на поиск культурно-исторической идентичности между Россией и Европой, переход от режима информационного противоборства к режиму духовно-культурного сотрудничества с опорой на точки общих интересов. Точками соприкосновения могут стать совместные программы по образованию и воспитанию молодежи, обмен опытом в сфере национальной политики и межгосударственной интеграции. В качестве мер по повышению эффективности государственного управления в сфере информационной безопасности России можно также предложить ввести в систему подготовки государственных и муниципальных служащих развитие компетенции противодействия информационной политической агрессии; усилить целевую грантовую поддержку научно-исследовательских проектов в области информационной безопасности; активизировать работу государственных органов по соблюдению законности оборота информации в новейших коммуни-

кационных системах: использовать социальные сети, блогосферу, информационные таблоиды и другие ресурсы Интернета; развивать информационную культуру студенческой молодежи и школьников путем введения в образовательный процесс элементов информационной экологии (этика общения, понимание негативных и позитивных аспектов виртуальных коммуникаций и т.д.); укреплять взаимодействие государственных институтов с некоммерческими организациями, общественными движениями и иными элементами гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 19.07.2020).

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

3. О средствах массовой информации». Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 25.04.2020).

4. О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации. Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

5. О безопасности. Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2015 г. № 646 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

7. О государственной тайне. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

8. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

9. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

10. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

11. О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Волгоградской области. Закон от 5 декабря 2016 года № 123-ОД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/444865743> (дата обращения 24.01.2020).

12. Порядок проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей (утв. приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29 августа 2012 г. № 217) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

13. Об утверждении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016–2020 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 1493 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296398/> (дата обращения 24.01.2020).

14. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

15. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

16. Положение о Совете Безопасности Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

17. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

18. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

19. О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена. Указ Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

20. О Федеральной службе безопасности. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ. Принят Государственной Думой 22 февраля 1995 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система

«Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

21. О связи. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

22. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

23. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

24. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

25. О внешней разведке. Федеральный закон № 5 ФЗ. Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

26. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций»). Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 (ред. от 27.01.2018) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 12.01.2020).

27. Положение о Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

28. О Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям. Постановление Правительства РФ от 17.06.2004 № 292 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 01.05.2020).

29. Об утверждении Положения о Федеральном агентстве связи. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 320 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

30. О патриотическом воспитании в Российской Федерации (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.11.2019). Проект № 315234-7 Федерального закона [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

Монографии и статьи

31. Афанасьева О. В. Доступ к информации как институт национального государства // Полис. – Политические исследования. – 2010. – № 5. – С. 146–154.

32. Афанасьева О. В. «Электронное государство» в развитых странах: опыт институциональной трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 11. – С. 44–52.

33. Белоусов А. Б. Эдвард Бернейс: от манипуляции общественным мнением к инженерии согласия // Полис. – Политические исследования. – № 2012. – № 4. – С. 143–148.

34. Бернейс Э. Манипуляция общественным мнением: как и почему // Полис. – Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 149–159.

35. Бондаренко С. В. Особенности создания и функционирования площадок «электронной демократии» // Полис. – Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 164–178.

36. Быков А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне и современная политика // Вестник Омского университета. – Серия «Исторические науки». – 2016. – № 2. – С. 66–70.

37. Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.

38. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов – СПб.: СПбГПУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/vershinin02.shtml (дата обращения 03.05.2018).

39. Волковский Н. Л. История информационных войн. Часть I. – СПб.: Полигон, 2003. – 512 с.

40. Воробьева И. В. Историческая память и историческое сознание россиян: современное состояние и тенденции // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Том 208. – С. 16–21.

41. Герасимов Г. Исторический суверенитет и историческая политика // Эксперт. – 2018. – № 11. – С. 54–56.

42. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n56_04mg.htm (дата обращения 22.01.2018).

43. Гонтмахер Е. Государственные финансы и бизнес в России: в поисках баланса // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 11. – С. 70–76.

44. Гостев А. Гражданская религия и военная организация государства: опыт США // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 34–41.

45. Денисенко К. Французский поцелуй безмолвия. «Удар по кошельку» и «политическая корректность»: как Франция борется с инакомыслием и независимыми журналистами // Эксперт. – 2018. № 12. – С. 50–53.
46. Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. – 2013. – № 2. – С. 169–171.
47. Евдокимов В. А. Пропаганда в Интернете // Полис. – Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 137–142.
48. Еляков А. Д. Проблемы информационной безопасности в использовании электронных компьютерных технологий // Социологические исследования (Социс). – 2013. – № 10. – С. 120–128.
49. Ефанова Е. В., Глазков А. А. Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии // Русская политология. – 2016. – № 1. – С. 15–24.
50. Ильин А. Н. Интернет как альтернатива политически ангажированным СМИ // Полис. – Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 126–136.
51. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – М.: У-Фактория, 2011. – 328 с.
52. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2012. – 464 с.
53. Козырев – Г. И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования (Социс). – 2018. – № 1. – С. 52–58.
54. Ковалева Н. Н. Государственное управление в информационной сфере // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 78–86.
55. Мамонов М. В. Информационная политика и изменение общественного мнения // Полис. – Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 26–31.

56. Матвиенко Е. А. Исламский радикализм как глобальная проблема современности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 179–184.

57. Матвиенко Е. А. Толерантность и безопасность: диалектика взаимодействия // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: сборник статей. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. – С. 43–49.

58. Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. – Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.

59. Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 127–131.

60. Морозов И. Л. От «войны цивилизаций» к диалогу культур – концепция С. Хантингтона и Россия в координатах информационного общества начала XXI века // Наука Красноярья. – 2016. – № 3 (26). – С. 93–105.

61. Морозов И. Л. Новая стратегия национальной безопасности России и меняющийся мир // Общество: политика, экономика, право. 2016. – № 4. – С. 10–12.

62. Морозов И. Л. Национальная безопасность России в меняющемся мире // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2016. – № 1. – С. 4–16.

63. Морозов И. Л. Информационный аспект международной безопасности // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: сборник статей. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. – С. 107–113.

64. Морозов И. Л., Матвиенко Е. А. Противодействие агрессивному национализму: уроки истории и вызовы современности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 4. – С. 174–181.

65. Морозов И. Л. Патриотизм и межкультурный диалог как парадигма будущего для России и всего мира // *Politbook*. – 2018. – № 1. – С. 34–47.

66. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда, информационные войны. – М.: «Поколение», 2012. – 115 с.

67. Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // *Международная жизнь*. – 2013. – № 7. – С. 72–84.

68. Примаков Е. Образы России и мира вне идеологии // *Россия в глобальной политике*. – 2013. – № 1. – С. 40–47.

69. Радина Н. К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // *Полис. – Политические исследования*. – 2018. – № 2. – С. 115–129.

70. Репинецкая Ю. С. К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» // *Самарский научный вестник. Исторические науки и археология*. – 2017. – № 1. – С. 174–151.

71. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: АСТ, 2016. – 560 с.

72. Спасский Н. Остров Россия // *Россия в глобальной политике*. – 2017. – № 6. – С. 16–18.

73. Талапина Э. В. О предмете информационного права // *Государство и право*. – 2013. – № 5. – С. 65–72.

74. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М.: АСТ, 2013. – 669 с.

75. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. – М.: АСТ, 2017. – 704 с.

76. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/sharp_dzhin/ot_diktaturi_k_demokratii/ (дата обращения 03.05.2018).

77. Radin A., Reach C. B. Russian Views of the International Order. – Santa Monica, Calif.: Published by the RAND Corporation, 2017. – 124 p.

Авторефераты диссертаций

78. Абрамян В. Р. Роль средств массовой информации в отражении модернизации политической системы современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – Пятигорск, 2016. – 35 с.

79. Батуева Е. В. Американская концепция угроз информационной безопасности и ее международно-политическая составляющая: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.04). – М., 2014. – 30 с.

80. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: автореферат дис. ... доктора политических наук (10.01.10). – СПб., 2016. – 58 с.

81. Васильченко В. В. Влияние интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодёжи в современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – М., 2017. – 31 с.

82. Ветрова Е. Н. Государственная информационная политика как фактор повышения эффективности государственного управления: современное состояние и приоритеты совершенствования: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – Орел, 2014. – 26 с.

83. Григонис Ю. Э. Политическая коммуникация в контексте современной политической теории: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.01). – СПб., 2017. – 26 с.

84. Дементьев С. А. Безопасность российского государства в условиях информационного противоборства: социально-правовые аспекты: автореферат дис. ... кандидата социологических наук (22.00.04). – Ростов н/Д., 2013. – 34 с.

85. Ибрагимов Л. Х. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – М., 2016. – 28 с.

86. Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): автореферат дис. ... доктора политических наук (10.01.10). – СПб., 2017. – 63 с.

87. Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях информационного общества: автореферат дис. ... доктора политических наук (23.00.02). – СПб., 2014. – 35 с.

88. Парфенова Ю. В. Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – СПб., 2016. – 20 с.

89. Пашинская В. В. Политическая интернет-коммуникация – технология оптимизации демократических процессов: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – Ростов н/Д., 2016. – 23 с.

90. Пименов Н. П. Политические коммуникации как фактор формирования общественного мнения в современной России (на примере внесистемной оппозиции): автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – Ростов н/Д., 2016. – 28 с.

91. Райский Д. А. Национальная безопасность России в контексте сетецентрических войн в условиях меняющейся мировой архитектуры: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.04). – СПб., 2016. – 28 с.

92. Садилова А. В. Технологии взаимодействия власти и общества в интернет-практиках в 2000-е годы: автореферат дис. ... кандидата политических наук (23.00.02). – Ростов н/Д., 2017. – 27 с.

ГЛОССАРИЙ

Государственное управление – деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации – система официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Утверждена Указом Президента РФ 5 декабря 2016 года.

Идеология насилия – совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей.

Информационная сфера – совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Информационная инфраструктура Российской Федерации – совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации.

Информационная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Информационное противоборство терроризму и экстремизму – деятельность субъектов информационного противоборства терроризму и экстремизму по оказанию комплексного воздействия с использованием специальных методов, способов и средств на террористическую и экстремистскую информационную среду в интересах искоренения терроризма и экстремизма, а также защиты легитимной информационной среды от террористического и экстремистского воздействия.

Информационно-техническое противоборство терроризму и экстремизму – вид информационного противоборства терроризму и экстремизму, в котором главным объектом воздействия и защиты является информационная инфраструктура.

Информационно-психологическое противоборство терроризму и экстремизму – вид информационного противоборства терроризму и экстремизму, в котором главным объектом защиты является психика должностных лиц, общественных деятелей и населения государства, существующие в нем системы принятия решений, формирования общественного сознания, а главным объектом воздействия – психика лидеров терроризма и экстремизма, их сторонников, системы принятия ими решений и распространения террористического и экстремистского влияния.

Информационная операция – комплекс действий информационно-технического, информационно-психологического, разведывательного, оперативно-розыскного и иного характера по воздействию на террористическую и экстремистскую информационную среду и (или) защите легитимной информационной среды в условиях конкретизированных целей, объектов, сил, средств, способов и времени.

Информационное превосходство – способность опережать противоборствующую сторону в сборе, обработке, использовании и распространении информации, а также установить и поддерживать превосходящий темп информационной операции, позволяющий доминировать во все время ее проведения и опережать возможные ответные акции.

Легитимная информационная среда – психика должностных лиц, общественных деятелей и населения государства, существующие в нем системы принятия решений, формирования общественного сознания, а также законная информационная инфраструктура.

Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

Национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы.

Обеспечение национальной безопасности – реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов.

Обеспечение информационной безопасности – осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления.

Отечество – Россия, родная для человека, социальной, национальной или региональной общности людей страна, принадлежность к которой они воспринимают как необходимое условие своего достойного существования и полноценной самореализации.

Патриотизм – нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества.

Патриотическое воспитание – систематическая и целенаправленная деятельность, основанная на социокультурных, духовно-нравственных ценностях и принятых в обществе правил и норм поведения

в интересах человека, семьи, общества и государства, которая направлена на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации граждан, формирование у них патриотического сознания, чувства верности России, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Отечества.

Проявления экстремизма – общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Противодействие экстремизму – деятельность субъектов противодействия экстремизму (федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления), направленная на выявление и устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию их последствий.

Радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Система обеспечения информационной безопасности – совокупность сил обеспечения информационной безопасности, осуществляющих скоординированную и спланированную деятельность, и используемых ими средств обеспечения информационной безопасности.

Силы обеспечения информационной безопасности – государственные органы, а также подразделения и должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, уполномоченные на решение в соответствии с законодательством Российской Федерации задач по обеспечению информационной безопасности.

Средства обеспечения информационной безопасности – правовые, организационные, технические и другие средства, используемые силами обеспечения информационной безопасности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Утверждена Указом Президента РФ 31 декабря 2015 года.

Система обеспечения национальной безопасности – совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов.

Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с

устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Террористическая и экстремистская информационная среда – психика лидеров терроризма и экстремизма, их сторонников, системы принятия ими решений и распространения террористического и экстремистского влияния, а также их информационная инфраструктура.

Угроза информационной безопасности Российской Федерации – совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере.

Угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

Экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий (Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. Астана, 9 июня 2017 г.).

Экстремистская идеология – совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов.

Морозов Илья Леонидович

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Учебно-методическое пособие

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память 2 ГБ оперативной памяти
Пространство на жестком диске 380 МБ
Веб-браузер

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF

Издательство Волгоградского института управления – филиал «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, ул. Герцена, 10